

A detailed oil painting of a middle-aged man with dark, wavy hair and a serious expression, sitting at a desk in a study. He is wearing a dark jacket over a brown shirt and tie. He holds a pen in his right hand, poised over an open book. The desk is cluttered with papers, a red cloth, and a small metal container. Behind him is a large window with a red curtain, showing a view of a city street. To the right, a tall bookshelf is filled with books and framed pictures. The overall atmosphere is one of quiet intensity and intellectual pursuit.

Александр Миронов

**«Туманная
зыбь» Роман.
Книга вторая.**

18+

Александр Миронов

«Туманная зыбь»

Роман. Книга вторая.

«Автор»

2026

Миронов А. Л.

«Туманная зыбь» Роман. Книга вторая. / А. Л. Миронов —
«Автор», 2026

И опять работники цеха спасают положение. Да и он на заседание
Объединённого Профкома выпалил тираду в истерике, какую никто и никогда
не осмеливался ему выдавать. Татарков сидит, с выпученными глазами. Вот
это наглец! У Генерального не было желания лишать рабочего квартиры, но
поиздеваться над Крючковым имел желание. Хотел писателя этого поставить
на место. А писатель не упустит момента. Постперестроечное время.

© Миронов А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Трилогии «От Застоя до Настроя»	5
1	6
2	8
3	9
5	14
6	17
7	22
8	24
9	28
10	30
11	34
12	44
13	46
14	47
15	49
16	52
17	53
18	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Миронов

«Туманная зыбь» Роман. Книга вторая.

Трилогии «От Застоя до Настроя»

Книга вторая

«Туманная зыбь»

Роман

Мелодрама

Течёт река, течёт Угра,

Лаская рябью берега.

А зыбь вечерняя, туман

Наползает на лиман.

МАЛ.

Бороться нужно за страну

и её процветание.

А не с режимом

и против страны.

Работать нужно и созидать!

– Симон Меркадер.

1

Обычно, приходя на работу, Нина Притворина не переодевалась в бытовке. Она шла прямо в третий цех в повседневной домашней одежде. Там уже, в пультовой, накидывала сверху на платье или кофту рабочую куртку или синий халат, доставая их из шкафа, стоящего между тамбуром входа в пультовую и стеной. Переобувалась в тапочки или в тёплые сапожки, смотря по сезону и погодным условиям, если надо накидывала косынку и – оператор печи готов к исполнению своих служебных обязанностей.

Но сегодня она пришла в бытовку первого цеха с какой-то девушкой. Помогла ей найти свободную кабинку для переодевания, и всё время с ней оживлённо разговаривала.

Девушка, скорее женщина, может быть моложе Нины года на три. Рослая, глаза большие, обильно подкрашенные, и казались выразительными. Круглолицая, щёки слегка припухлые, розовые, возможно, естественного цвета, с ямочками. Смазливая деваха.

Маша приехала немного раньше, уже сняла домашние одежды и надевала рабочий тёплый свитер, на дворе стало холодновато, осень. До того, как Нина познакомилась с ней, она присматривалась к незнакомке, которую до этого видела и не раз в служебных автобусах и в посёлке, в магазинах и на улицах. А тут она оказалась в цеху и в бытовке...

– Маш, познакомься, твоя коллега. Людмила Прокошева. Транспортёрщицей у нас в цеху будет. В нашей смене. В первый цех её на стажировку к тёте Вале Козловской. Ей через две недели на пенсию уходить.

Представила Нина новую работницу, а у Маши, отчего дрогнуло сердце. Она лишь кивнула и продолжила переодеваться. Сердце чувствует, сердце не обманешь... – кто-то как будто бы шепнул ей на ушко. И Маша насторожилась.

Филипп о новой транспортерщице уже кое-что знал. У Нины хорошие связи из сарафанной аудитории. Знал, что в общении её зовут Милой, Милкой. Знал, что она из города Тулы и работать там начала в каком-то НИИ в должности секретарши. Но, похоже, – курьером, а то – и уборщицей канцелярий.

Супружеская пара из-за квартиры переехала в республику. Муж устроился по своей специальности инженером на Мехзавод, а она – в ОТК, отдел технического контроля. Вначале Людмилу направили в секретариат управление комбината по специальности, но после испытательного срока, ей предложили сменить место работы. Какой секретариат сможет держать в своём штате сотрудницу, у которой в каждом предложении по пять ошибок, а в столь сложных словах, как *ещё* – если не четыре, так две. И путает понятие *рейсы* и *рельсы*, *кувет* и *Кувейт*. Особенно последняя распечатка убила секретариат наповал. Людмила перепечатала объяснительную механика автобазы:

"Машина КрАЗ водителя Вавилова ушла в кувейт, откуда её вытягивали двумя тракторами. Сам шофёр тоже находился в кувейте пьяным..."

И далее:

"Ввиду не транспортабельного состояния, шофёр Вавилов не смог встать в рельс. Сменному механику Игнатову пришлось самому доработать сменные рельсы".

Старший механик автобазы Черняховский, прочтя эту объяснительную записку, от смеха упал, как подрубленный, на один из стульев у стола секретариата.

– Эта девочка в школе хоть один раз училась? В каком дендрариуме её нашли?

Но Милка подругам объясняла, что ушла из управления сама, так как её тонкая натура не может совмещаться с бумажными крысами, которые так и норовят съехидничать, подьегорить, подкусить, подсидеть, подь... Брр... В цехе лучше, проще, спокойнее.

Но не прошло и полгода, ей пришлось уйти и с завода.

После демобилизации из армии наладчиком в цех пришёл морячок Толя Прохошев. Парень видный, энергичный, голубоглазый с волнистой шевелюрой.

Роман у них закрутился почти сразу же. Толик влюбился в смазливую девушку и уже не видел перед собой никого краше и прелестней. Статная фигурка, гибкий стан, сияющие глаза в обведённой рамочке век, бровей. Искусно наложенный макияж, тона... низкое декольте. А походка на высоком каблучке... Всё это в Толике возбудило немалую страсть. И этому способствовало долгое, целых три года, воздержание на морском флоте. Играл адреналин. А поскольку Милаша сама была заводной на ласки и страсти, то не устояла перед напором доброго молодца. Вначале скрытно встречались, но вскоре она почувствовала, что "залетела". Прожив с мужем почти два года, у них не получалось заиметь детей, а тут на радость или на лишние хлопоты – пожалуйста. Людмила заволновалась – грех наружу норовил выйти.

Но Толя оказался человеком долга, и Милаша подала на развод с мужем. Через три месяца ушла в декретный отпуск, и год находилась в нём.

После декретного отпуска вернулась на завод в цех. Но, несмотря на её легкомыслие, в ней всё же сохранились остатки чувств, такие как стыд и совесть. Они её и вытеснили из цеха, так как работать на одном производстве с бывшим мужем было не совсем удобно. Тем более бывший муж стал заместителем начальника цеха, а позже и заместителем директора мехзавода по производству.

Иногда бывший подходил, интересовался ею и здоровьем её дочери. С одной стороны, она была признательна за внимание, с другой – приходилось прятать глаза. Чувствовала себя неловко, зная, что за ней следят ещё пара глаз. Да и так, полно любителей "тихо говорителей". Приходилось им встречаться и случайно в коридорах цеха, на лестничных переходах, и на остановке служебного автобуса. И все эти встречи смущали. По сути, скрытная по натуре, она не любила, когда хоть в малом о ней сплетничают, осуждают или сочувствуют. Ей хотелось туда, где её не знают, где она чувствовала бы себя независимой, обаятельной, женщиной вамп, как она себя представляла в этом забытом Богом посёлке. То есть хотелось начать жизнь с белого листа.

2

Как-то на Угре в погожий солнечный день, загорая с Толиком и маленькой дочкой, Милаша познакомилась с соседкой по пляжу, которая тоже отдыхала с семейством, с мужем и двумя мальчуганами. Нина Притворина оказалась общительной, что повлияло на их дальнейшие отношения. Часто перезваниваясь, а при встречах общаясь, все ближе сходились характерами. Понимали друг друга, переживали, сочувствовали, и всегда без лукавства, почти с сестринской откровенностью и доверием.

О своих «напрягах» на заводе Людмила поделилась с подругой, и спросила:

– К вам на "муку" нельзя перевестись? А то сама понимаешь, работать между двумя мужьями как-то не комильфо...

– Не знаю. Поговорю с Дончаком, – пообещала Нина.

И вопрос решился через месяц. Нужна транспортёрщица.

Филипп, принимая в смену Людмилу, или Милку, – как назвала её Нина, а позже за ней так и закрепилось это имя, – проводя инструктаж по технике безопасности, а потом, обходя с ней оборудование, знакомя с ним, пытался понять её, характер, возможности и способности, а также слабости. Девушка вела себя подчёркнуто вежливо, и в то же время наблюдалась в рассуждениях поверхностность, хотя и выдавались они со значимостью всё понимающей, умеющей объективно оценивать положение вещей. И всякий раз выдавала умозаключение, как мантру:

– Да что тут не понятного? Ясненько.

Или:

– Понятненько. Чего тут не ясного?

Даже новое для неё оборудование она осматривала с таким видом, как будто бы оно ей было знакомо едва ли не с детства. То есть девонька имело большое мнение о своей особе, и старалась блеснуть дарованиями, поразить сообразительностью, даже не дослушав пояснение о содержании предмета. На лету всё схватывает.

Филиппа это несколько удивляло. И настораживало. И в тоже время вызывало интерес к ней. Ну-ну, посмотрим, посмотрим, на что эта особа-сдоба способна...

Невольно сравнивая Милку с Машей, видел их противоположности. Маша почти весь инструктаж молчала, знакомство с оборудованием проводилось с заинтересованностью. Кроме того, в руках держала маленький блокнотик, карандашик и всё записывала. Делала чертёжики. Какие-то пометки, подставляла вопросы. Некоторые задавала и тут же записывала ответы. Выглядела беспокойной и заинтересованной. Щёчки бледные, а глаза широко открытые, светящиеся. И она была теплее, душевнее. К ней невольно тянуло на беседу, разговор, к общению.

Тут же – даже не хотелось говорить о производстве. Снисходительность, на грани высокомерия. Словно, сошедшая из поднебесья богиня, в эту грязь и пыль. И невольно вызывал другой интерес – насколько это божество целомудренно?

3

В третьем цехе мастер появился во второй половине дня. Прошёл прямо в пультовую, минуя галереи транспортёров, не обходя цех.

За столом сидела Нина Притворина и разговаривала по телефону. На появление Филиппова отреагировала усмешкой. Он понял, что разговор она ведёт о нём. С кем?

Сел напротив неё и потянулся в карман за сигаретами.

– Ладно, давай. Потом поговорим. – Нина положила трубку.

В глазах её играли смешинки. Но сказала со строгостью:

– У нас не курят. А если курят – четвертную на стол.

– Может, четвертинку?

– Годится и четвертинка.

Он усмехнулся.

– С кем балаболила?

– С Милкой. Ты как, на неё глаз не положил?

– Положил. Я на всех вас что-нибудь да ложу.

– Только тут зуб-то не точи. Не мылся, бриться не придётся. У неё на таких кобелей аллергия.

– Понятненько. Чего тут не ясненько... – ответил он с усмешкой словами Милки. И перевёл разговор на производство: – Как тут, всё в порядке? Палыч где, Вася?

– К Маше поднялись, отсев на стенки бункера налипает, сырой идёт. Вибраторы со стенок не стряхивают, вот Маша и позвала их. Пешнями счищают, да кувалдочками обстукивают.

Над потолком пультовой гулко загрохотал электровибратор, в мельницу с шумом посыпался отсев, и она надсадно загудела. По звукам Нина определила:

– Кажется, пробили. Пошёл отсев.

– Ну, ладно, и я пошёл. Если что, звони во второй цех.

– А что, даже не зайдёшь на транспортёры? Там тебя ждут.

– В следующий раз.

Филипп вышел на уличный балкон, спустился по трапу и, оглянувшись, быстрой походкой поспешил из цеха.

Маша, узнав от Нины, что мастер был, но не зашёл к ней, прикусила губку.

Позже происходили встречи, но они касались в основном производства, работы. При этих встречах она вначале прятала глаза, потом пыталась, преодолевая робость, всё же заглянуть в его глаза. Но под нависшими бровями в них не улавливала света надежды, прежней лукавинки, тепла. Иногда он вдруг подмигивал ей, дарил улыбку, и на этом заканчивалось его внимание. В короткие моменты встреч она пыталась заводить с ним разговор, но он, то прикладывая к губам палец, дескать, не к месту, не сейчас... То кивал согласно, но думал о чём-то своём. У неё щемило сердце.

А через месяц мастер вдруг поменял местами транспортёрщиц.

Среди смены привёл в третий цех Людмилу Прокошеву. В пультовой находились оператор пультовой и транспортёрщица, только что вернувшаяся с галерей.

Зашли, расселись вокруг стола и закурили. Машу мастер придвинул к стене, чему она сопротивлялась. Но поскольку она не курила, то почувствовала себя неудобно в этой компании, однако, выйти из-за стола не могла. Да и не хотела. И изредка отмахивалась от дыма: совсем закоптили...

Разговор происходил в основном между подругами, и как будто бы ни о чём, но гостя, иногда смеясь, и как Маше казалось, фальшиво, всякий раз многозначительно добавляла:

– Понятненько. – Или: – Ясненько.

Филипп изредка усмехался, подавал реплики. Но, видимо, и ему вскоре надоел этот трёп, он перешёл к делу.

– Так, Маша, в целях расширения зон обслуживания, и изучения работниками производств цеха, вам с Милкой придётся поменяться местами. Ты пойдёшь на первый и второй цех транспортёрщицей, а Милка будет осваивать третий цех.

Маша дёрнулась, невольно хотела вскочить и выразить протест. Но не тому, что приказал мастер, а тому, что всем сердцем и душой поняла смысл данной перестановки.

Филипп пояснил:

– Сейчас проведёшь Милку по галереям, покажешь, что да как, а потом идёшь во второй цех. С этого момента будешь работать там. А как Прокошева вникнет во все тонкости здешней работы, освоится и поймёт, что к чему, тогда я вас поменяю обратно. Поняли? – спросил обеих.

– Ясненько, понятненько...

Маша кивнула.

Мастер поднялся и, покуривая, с деловой сосредоточенностью направился из пультовой.

Нина бросила взгляд на Машу, у той в глазах стояли слёзы, губы судорожно ломались. Сдерживаясь от рыданий, она покраснела.

– Милка, пошли на улицу, покурим. А то тут дышать нечем, – предложила она подруге, поднимаясь.

– Пошли.

Вышли из пультовой на металлический балкон.

Маша стянула с шеи платок, и уткнулась в него лицом.

Маша недолго водила Милашу по галереям. Да и что, собственно, было показывать? – что в старом цеху, то и здесь. И ленты одинаковые, ролики тоже, также скрипят и просят смазки, замены. Может быть, здесь сами галереи шире, светлее, да наклоны их покруче. Да бункер объёмнее, раза в два больше, чем в старых цехах. А так всё едино: и пыль, и отсев. Следи, чтобы бункера не пересыпало, регулируй лопатой-плужком сырьё из пультовой цеха на щите, прибором. Чему тут учиться? Как метлой и лопатой руководить?..

– Люда, ты сама попросилась в третий цех? – спросила Маша, когда после обхода рабочего места они зашли в будку транспортёрщиц.

– Да нет, – тряхнула Милаша головой, укладывая волосы в понятный ей порядок. – Филя сказал, чтобы проходила и осваивала все рабочие места и тонкости работы.

Маша согласно кивнула, но не из согласия с тем, что сказала товарка, а своим мыслям: ясненько...

4

Сроки поджимают... Ах, как поджимают сроки! На дворе уже вовсю гуляет октябрь, а медсанчасть к сдаче не готова. К 7 Ноября, кровь из носа, а сдать надо!..

Татарков ходил по кабинету, размышлял, просчитывал, негодовал. Всё было отработано до малейших деталей. Этап за этапом. Комплекс был заложен сразу подо все здания. В него входят главный корпус в пять этажей, где на первом и втором лечебное терапевтическое отделение, на третьем – хирургическое отделения, на четвёртом – детское, на пятом – лор, глазное. Работают лифты. Рядом, с этим корпусом, пристроена поликлиника в три этажа, где кабинеты врачей специалистов. Оба здания в принципе готовые, но ЛТП и ИТК не успевают – срывают досрочную сдачу.

Три двухэтажных здания – СЭС и родильное отделение, аптека, дизентерийное диспансер – уже введены в строй. Пусть с недоделками. Но они работают. Стоят по периметру участка сангородка. Морг на задворках. Хоть широкое, и будет оснащено современным холодильным оборудованием, но это здание пока подождёт, переселяться в него никто не торопится. Котель-

ная ещё не дооборудована, но это тоже не столь важно, санчасть подключена к общему кольцу водоснабжения, к паросиловому цеху, потом её доукомплектуем, в том числе и штатом.

Но основные корпуса тормозят! А без них – нет акта сдачи.

Родион Александрович поджидал вызванных на 19.00 своего зама по капитальному строительству Выбикова Ивана Игоревича и начальника СМУ Адамченко Виктора Петровича. Директор посматривал на часы – скоро должны подойти. Он знал, что его заместитель ездил в райисполком, оттуда на строительство районного торгового комплекса и на лестницу "Каскад" – спуск от центра города до реки Шани, а рядом – торговый комплекс. Строительство тоже имеет не малое значение для районного города, и тоже легло на широкие плечи комбината. В райисполкоме средств изыскали едва на фундаменты комплекса, а само строительство, кирпич, раствор и добрую половину специалистов пришлось выделять предприятию.

Начальник СМУ ездил по подшефным колхозам и совхозам, также должен прийти с докладом. На трёх центральных усадьбах строятся коттеджи для сельских жителей. Но деньги просто так и абы куда не потратишь, на каждый рубль нужно подтверждение, акты, договора. Всё это оформляется как подшефная помощь сельскому хозяйству. Средмаш богатый, щедрый, идёт на эти расходы, или почти идёт. Тут много зависит от настойчивости и упорства руководителя нижнего звена, от его изворотливости. Деньги надо уметь выбивать, уметь увлечь руководителей главка и министерства. И потом, Средмашу хоть и даны широкие полномочия на выделенные ему участки по использованию земель, однако же, эти земли находятся на территории области и района. И если этим хозяевам не делать поблажки в виде шефской помощи, то можешь натолкнуться на неуступчивость. Если в позу встать бескомпромиссности и не помогать, не строить или не финансировать какие-либо проекты, то, когда потребуются дополнительные земли для разработок под карьеры, под садовые ли участки, можно получить тихий отказ, волокиту, проволоочки... Да мало ли как можно удлинить сроки мероприятий важных для комбината и для отрасли в целом. Бюрократическая машина – это такой механизм, где каждый винтик себя болтом представляет. Вот и приходится порой себе в ущерб идти на расходы, на шефскую помощь. А резервов-то нет. Распылили их по подшефным объектам. Нечем доводить собственные объекты. И получается – сапожник без сапог, или в полуразбитых сапогах.

Но если сдадим досрочно комплекс медсанчасти, то деньги будут. Уже на подписи приказ на строительство завода "Извести". И деньги под него и под строительство очередного жилого дома заложены, но тормозит этот объект. Вернее, даже не тормозит, поскольку в планах пуска медсанчасть стоит вторым кварталом следующего года. Но досрочная его сдача только укрепить авторитет, доверие, и даст толчок на перспективу. А перспективы не малые. В генеральном плане Татаркова стоят уже девятиэтажные колонки жилых домов. И места под них выбраны – на пустыре, между медсанчастью и улицей Строителей. Здесь пока начата закладка микрорайона "Молодёжный". Дом номер два заложен из пяти этажей. В четвёртом квартале будущего года должен быть сдан и заселён. Ведутся проектировочные и маркшейдерские работы по четвёртому и шестому домам. И в недалёком будущем – пятый детский сад, а там ещё один торговый комплекс. То есть перспективы большие и важные, не упустить бы... Вот тогда – это будет не просто посёлок городского типа – ПГТ. А настоящий город! И за какие-то пятнадцать лет. И такой город, какого в области нет! Люди сюда сбегаются со всех областей.

Но сейчас нужно выдержать темп и ритм строительства. Строить и сдавать. Сдавать и получать деньги под очередное строительство. И только так. Другого пути нет. Кровь из носа...

Вошли руководители-строители.

Родион Александрович отвлёкся от мыслей.

– Разрешите, Родион Александрович? – спросил Выбиков, входя первым.

Директор кивнул, проходя за свой стол.

Руководители расположились на мягком диване под окном.

– Нет, садитесь сюда, – показал генеральный на приставной столик у его стола.

Зам и начальник СМУ переместились на указанные стулья.

– Ну, слушаю, кто, где был, что слышал, видел? Кто чего натворил или построил? Давай, Витя, ты начинай.

Адамченко приблизился грудью к столику, сосредоточился.

– В колхозах строительство идёт. Но так, не шатко не валко. В основном нашими силами. Там, где бригады укомплектованы хотя бы двумя-тремя-пятью нашими людьми, коттеджи продвигаются. В Дурнево, как вы знаете, два уже на подходе к сдаче. Думаю, четыре семьи будут праздновать к седьмому ноября новоселье, а вот с третьим не поспеем. Да мы ещё на два замахнулись, фундаменты под них заложены.

– А что Колупанов?

– Да, что? Откуда он тоже людей возьмёт? Пастухи ещё на пастбищах, трактористы на пашнях, озимые засеивают. Да и он, чувствуется, как будто отошёл от этого вопроса. Вид делает, вроде бы гоношится, а по сути – воздух сотрясает. Его колхозники на хрен посылают и своими домашними делами занимаются. У них тоже горячая пора, дрова на зиму готовить надо, да и водочку попить не прочь.

— Вот деятель! – хлопнул рукой по столу директор. – У меня людей выпрашивает, а своих заставить не может.

– Так, Родион Саныч, на чужом, как его... горбу завсегда веселее в рай въезжать.

– Ну, я ему въеду. Я его из колхоза вообще вышибу, раздолбай!

– Но этим вряд ли проблему с колхозниками решим, – вставил Выбикив. – Платить человеку надо. А так, за колхозные трудодни, за палочки, ему это надо?

– Трудодней давно уже нет.

– Теоретически – да. А на практике тенденция осталась, – продолжал зам. – Зарплата не очень, чтобы... Люди живут от своего подсобного хозяйства. В него и вкладывают свои силы.

– Так я ж Колупанову говорил, чтоб привлекал на коттеджи тех, кому в них жить. Как мы делаем. За него что, мне ещё там этим строительством руководить? – начал раздражаться Татарков.

– Кому выделили эти коттеджи, те в полях да на фермах вкалывают, им некогда. На них и держится колхоз. А отвлечения их...

– Такая ситуация не только у него.

– Ну, я же не могу своё предприятия оголить. У меня планы по производствам — вот где сидят, – директор, наклонив голову, похлопал по упругой шее.

Руководители сочувственно покачали головами.

– Давайте, думать. Как кто-то что-то надумает, мне на стол. Что в совхозе "Мир", Витя?

– Так та же ситуация. Но там по чуть помогают. К Ноябрьским праздникам, как и планировали, два коттеджа сдадим. В совхозе "Чапаева" доводим откормочный комплекс. Там мы с подрядчиками, где они нам, где мы им помогаем. Вроде без обид. Только наши люди ропщут, зарплата мала.

– А здесь что, больше? И люди где работают?.. – показал большим пальцем на стену сзади себя, на комбинат. – А те на вольном воздухе, на свежих продуктах, молоке, овощах... Перебьются. Как там элеватор в Кожухах?

– Да стоит, на радость им и нам.

– В общем, Витя, не упускай вопрос с колхозами. И за производственными объектами поглядывай. С тебя я строительство не снимаю, спрошу.

– Хорошо, Родион Саныч, – тряхнул Виктор Петрович головой, на которой пробивалась редкая проседь.

– Так, Ваня, что там, в райцентре? – повернулся директор к Выбикиву.

– В райисполкоме всё без задержек. Документы готовы, не сегодня-завтра привезут в отдел ко мне, а там, – в расчётный отдел. Через недельку отправим в Главк.

– Сам был на объектах?

– Конечно, Родион Саныч. Как же иначе? К холодам корпус торгового комплекса будет готов, а там уж внутренняя отделка. Внутри можно и зимой работать.

– А лестница-чудесница?

– Был и там. В принципе готова, люди ею уже пользуются. Отчёт тоже готов, привезут вместе с документами по торговому комплексу.

– Скоро заседание Бюро райкома, заеду, посмотрю. Так, хорошо.

Родион Александрович отклонился на спинку стула. Белая рубашка обтянула широкую грудь. Галстук был приспущен, две верхние пуговички расстёгнуты. "В принципе, дела идут. Колхозы потихоньку вытягиваем. Надо сосредоточиться на основных объектах..."

– Так, теперь о делах в посёлке. По медсанчасти что?

– Отделка. Отделка тормозит, Родион Саныч, – ответил Выбиков.

– И у меня людей не хватает. Элтэпэшники не шатко не валко работают. Рано ээков сняли, – добавил Адамченко.

– Да, Вить, ты прав, – согласился директор. – Но у них сейчас контингент не тот. Некому работать на отделке. Вопрос – как ускорить внутреннюю отделку корпусов? Что вы думаете?

Руководители сосредоточились. Каждый понимал важность сдачи медсанчасти. И, не дай Бог, по чьей-то причине эта сдача сорвётся, Родион Саныч с любого из них "голову сорвёт", как он сам часто обещает. И некоторым срывал, то есть выгонял с предприятия. Недалёкий пример с директором керамического завода Боханом. Не хотелось бы попасть под этот понужальник.

– Одно остаётся, Родион Саныч, привлекать работников комбината, – высказал предложением зам.

– А производства не остановим?

– Ну, этот вопрос надо обговорить с каждым руководителем цеха, завода.

– Думаю над этим, думаю. Мы и так уж задёржали их. После колхозных работ никак ещё в режим не войдём.

– А может, в выходные дни? За оплату, или за те же допайки, дефициты?

Татарков вскинул на Адамченко взгляд.

– Так, так... Ты слышишь, Выбиков? А, по-моему, ничего идея, а?

– По-моему, тоже.

– В общем, так, казаки. Первое, ты Ваня обзвони начальников и директоров. Узнай, есть ли у них возможность выделить людей на отделку санчасти? Хотя нет, отставить. Пусть этим занимается Подгузин. У тебя есть дела поважнее. А ты, Вить, составь расценки. И все, кто придёт в выходные на подработку к тебе, оформляй по первому разряду.

— Это очень низкая оплата, копеечная. Вряд ли кто на неё пойдёт?

– Ладно, по второму. Но не выше. И на всех, кто придёт работать – составить дополнительные списки на дополнительные льготы.

Начальник СМУ с сомнением кашлянул в кулак.

– Думаю, и это не привлечёт народ.

– Ну что же... Тогда они у меня в рабочее время за свою зарплату шпаклевать и красить будут! – директор прихлопнул рукой по столу. – Ну, теперь по коням, казаки, идите. Мне ещё тут надо поработать.

Руководители согласно кивнули, дружно поднялись и направились к выходу. У двери обернулись.

– До свидания, Родион Саныч.

– До свиданья.

Решим вопрос, решим. Не мытьём, так катанием, то есть не калачом так бичом...

5

Но ситуация сложилась на много благополучнее и приятнее, чем предполагалось. И экстренная сдача корпусов медсанчасти вошла в спокойный режим.

В двадцать часов из Главка позвонил главный инженер Бурков Владимир Александрович.

– Да, – отозвался Татарков

– Здравствуйте, Родион Александрович! – услышал в трубке энергичный голос Буркова.

– Здравствуйте, Владимир Александрович! – ответил он и насторожился, главный так поздно по пустякам звонить не станет. – Рад вас слышать. Что-то случилось?

– Да, Родион Александрович, случилось. Просто не утерпел. Хочу вас порадовать...

– Слушаю, слушаю. Всегда рад слышать хорошие вести, – директор завёл пятерню в жёсткий ёжик волос, улыбаясь.

– Так вот, Родион Александрович, ваши хлопоты увенчались успехом – подписан приказ на строительство завода "Извести" у вас, в республике Татаркова. И уже в этом квартале. Деньги ни сегодня, так завтра будут спущены.

В трубке послышался добродушный хохоток. То, что посёлок местные жители прозывают Республикой, уже не было секретом и для руководства отрасли.

Татарков тоже от души рассмеялся, прихлопнув ладонью по столу.

– Ну и ну! Спасибо, Владимир Александрович! Действительно приятная новость. Я, честно говоря, чего только не передумал, чтобы подторопить это дело.

– Верю. Зная, вашу горячность, энергичность, другого и не предполагал. Вы не так, так этак, своего добились бы. Но тут у вас тоже немало доброжелателей...

– В вашем лице я его постоянно чувствую, спасибо.

– Да и не только в моём лице. Тут, Родион Александрович, вы просто находитесь в удобном и выгодном для отрасли месте, где и щебень, и известь будет под рукой. И плюс – ваша энергия. Так что – работайте. Как говорится – вам и карты в руки.

– Ну, в такие карты я с удовольствием...

– И вам желательно завтра прибыть в главк. Сами понимаете, Родион Александрович, такие дела начинаются с бухгалтерии.

– А я думал – с фуршета, – пошутил Татарков.

– Будет и фуршет. Но, скорее всего у вас, при закладке завода. Да, кстати, как вы относитесь к идее объединения вашего комбината с Воротынским заводом керамических изделий?

Татарков на секунду примолк.

– Пру-пру-пру... – проиграл он губами в раздумьях.

– Завод стабильный, работает ритмично...

– Я знаю. А как к этому относится Макбетов?

– С ним пока этот вопрос не обговаривался. Конечно, идти в замы, для него будет очень приятно. Но отрасль сейчас за укрупнение производств. Тут и целевые финансовые потоки, и развитие производств, и инициатива учитываются. А вы масштабно работаете, с задором. И находитесь вы рядом.

– Да, недалече. Всего лишь за тридцать километров.

– Действительно, рядом. В Сибири мы объединяем производства за триста километров.

– М-да... Не завидую я этим директорам. Особенно их замам.

– Почему?

– Далеко бегать целоваться.

Бурков рассмеялся. Усмехнулся и Татарков.

– А как же вы целуетесь с Юриным? За полторы тысячи километров, из-под Калуги с Карельским ДСЗ в Сортавала?

Татарков рассмеялся.

– Горячо. Два раза в месяц, когда Юрин с отчётом приезжает... Но тут не знаю, не знаю... На мой взгляд, идея не очень полезная. Руководить смогу и комбинатом, и объединением...

– И главком, – подсказал Бурков.

– Нет. Языков не знаю, как говорил Чапаев. Распыляться не хочется.

– А сами в замы пойдёте?

Татарков осёкся. Бурков, не дождавшись ответа, перевёл на шутку.

– Это я пошутил, не обращайтесь внимание. Вопрос стоит именно в таком порядке, как я его озвучил в первом варианте. И инициирует объединения Минфин. После смерти Славского зашевелились подковёрные борцы. ЦеКа помалкивает, вот и работают разного рода инициаторы. Того гляди всю отрасль Средмаша перевернут или упразднят. Конечно, и главк и министерство противятся подобным мероприятиям, тормозим эти процессы, но кто знает, чем всё это закончится. Но во спасение отрасли, может быть, придётся идти на такие меры. Поэтому прошу вас осознать вышесказанное и готовить себя на предстоящие реформы.

– Понял, Владимир Александрович.

– А с Макбетовым мы поговорим. Постараемся, чтобы он тоже понял, и между вами не было каких-либо трений и столкновений. Он тоже большого ума человек, к тому же образование высшее и кандидат технических наук. Вашему объединению только на пользу, совместим науку и производство. Я, думаю, он поймёт. Проникнитесь и вы.

– Да-а... Дела, – поморщился Родион Александрович, представив в замах человека с учёной степенью.

– Дела, конечно, не очень приятные. Но не безнадёжные. Наши отраслевые ЦеКа партии и ЦеКа профсоюзов совместно будируют этот вопрос перед ЦК Партии. Будем надеяться, что вопросы, связанные с деятельностью отрасли, отпадут. И всё же, не смотря на некоторые междоусобицы, нам удалось протолкнуть проект постройки у вас завода "Извести". Следовательно, и дополнительное финансирование на социальную инфраструктуру. Вам выдан карт-бланш. Теперь вперёд, к победе коммунизма в отдельно взятом регионе. А вам до него недалеко.

– Да, как птице Фениксу до солнышка.

– Ну-ну, не скромничайте. На этом я прощаюсь. И ждём вас в главке.

– Буду завтра же.

– До свидания.

– До свидания.

Урррааа! – хотелось закричать. – Свершилось!

Родион Александрович поднялся из-за стола и в творческом возбуждении заходил по кабинету. В его воображении начали вырисовываться план строительства завода. Годом раньше он с Выбиковым, Адамченко, Пьянцовым – директором ДСЗ, Хлопотушкиным осматривали пустырь за цехом "Известняковой муки" под будущий завод. Опять же на мысль его строительства навёл Бурков. Мол, производство совершенно новое, аналогов в Союзе всего два. Одно в Армении, другое за Уралом. И вот теперь такой завод нужен в центре. Как и щёбень, известь для Центрального военного округа. Округ укрупняется и укрепляется, строятся дополнительные военные объекты, ракетные шахты, сооружения, дома, и ему нужны недорогие и близко находящиеся строительные материалы. Завод можно было построить и на других профильных производствах, и хоть он имеет некоторую опасность для экологии, но, несмотря на это, его всё равно где-то бы воткнули. Даже вопреки мнению отдельных местных руководителей и органов власти, где располагаются производства Средмаша. Но зачем ломать копыя, когда есть руководитель, который сам ищет деньги на развитие своего анклава. И в его творческую инициативу как нельзя, кстати, вписывается и это производство. Ему и карты в руки.

А Родион Александрович ухватился за этот проект. Скорее – за деньги. Будет завод работать или нет, а дом, а то и два стоять будут. Около месяца пошло на согласования в Областном исполкоме, со всеми привязками комитетов и подкомитетов. Пришлось выдержать дискуссии в районном и в областном комитетах партии относительно экологичности и вредности для флоры и фауны от этого производства, в том числе и человеку, проживающему вблизи от него.

Родион Александрович неизменно говорил:

– А сейчас, как себя чувствуют фауна и человек? Известняковая пыль их сильно отравляет? Поглядите на меня. Вон, на Выбикова, сильно мы от вас отличаемся, сильно выболели? Нет? То же самое будет выделяться и от завода извести. Но хочу заметить – на данном производстве будут стоять современные пыле улавливающие системы. Поэтому завод практически будет замкнутым, безотходным, безвредным. Вот литература по ним, – он специально размножил технические паспорта, технические характеристики улавливающих установок.

Выбиков, бывавший вместе с директором на этих заседаниях, раскрыл портфель и выложил на стол несколько сброшюрованных тетрадок.

– Прошу, товарищи, ознакомится с этой литературой, и дать свои заключения.

Вот будь он, Генеральный директор, к районным и областным нуждам глухим, не вкладывай в сельское хозяйство столько сил, не откликайся на нужды не только подшефных хозяйств, но и других колхозов, кто бы пошёл ему навстречу? Тут даже через "не хочу" рука ставит закорючку и на том документе, который нужен для будущего завода. Так что его внешняя политика верная и оправданная.

6

- Да, вас слушают.
- Таисия, ты чем занята?
- Да думаю скоро укладываться спать. Дочь заканчивает уроки...
- Это хорошо. Но ты мне нужна.
- Прямо сейчас?
- Да.
- Ну, хорошо. Приду. Только надолго не могу.
- Ладно, понял. У тебя ключ от чёрного входа есть?
- Да.
- Жду.

Родион Александрович положил трубку телефона и подошёл к секретеру, верхние полки которого заполнены книгами, справочниками, брошюрами. Открыл нижние створки и достал из недр тумбы бутылку коньяка, две удлинённые рюмки и отнёс их на приставной столик. Прошёл к холодильнику, спрятанному за дощатой дверкой, искусно вмонтированной в щиты на стенах. Извлёк из него палочку копчёной колбасы, два копчённых бёдрышка куриного окорока, завернутые в пергаментную бумагу. Перенёс на столик. И за ними, из того же холодильника, поставил круглую чашу, наполненную яблоками, грушами и бананами. Бананы, экзотические фрукты, доставлялись в кабинет из Обнинска, по специальному заказу с базы отраслевого ОРСа.

Осмотрев сервировку, Родион Александрович открыл бутылку и налил в рюмку коньяку. Выпил залпом. Смакующее подержал во рту последние капли спиртного, проглотил. Сегодня было за что выпить. Выбрал яблоко и откусил от него полбока. С удовольствием захрустел сочным фруктом.

Когда в приёмной застучали каблучки, он, доев яблоко, бросил кочерыжку в мусорное пластмассовое ведро под столом.

Поднялся и пошёл навстречу вошедшей женщине. Глаза его заискрились, и лицо посветлело. Что стало с этим всегда кажущимся суровым лицом. Даже бородавка между бровями поменяла как будто бы цвет.

Таисия была среднего роста, среднего возраста, который недалеко отошёл от молодости, но и не переступил порога перезрелости. Благодаря природным данным и некоторым хитростям косметики её лицо омолаживалось, глаза лучились в разлёте слегка подрисованных ресниц, бровей, щеки румянились. Взгляд выражал истому, желанный ответ на предполагаемый вопрос. Загадочный и манящий образ. Одета женщина была по вечернему тепло, в костюме, под низом которого на груди белой накипью курчавился воротничок. Юбка подчёркивала развитые бёдра, и на стройных ногах телесного цвета капроновые чулки или колготки. Чёрные туфельки на среднем каблучке.

Войдя, она успела бросить взгляд на приставной столик – быть пиру. И тут же попала в крепкие объятия хозяина кабинета.

Постояв с минуту в объятьях, Родион Александрович вдруг наклонился, подхватил на руки женщину и закружил её по кабинету. Из него выплеснулись мальчишеский задор, радость, как будто вся суровая энергия вдруг истаяла и обнажила живой человеческий восторг, силу, любовь к жизни, к женщине. Она, обняв его за шею, смотрела на него с восхищением, обаянием, с радостью. Они целовались, смеялись, радовались, как дети. Не было сказано ни слова, но столько было понятного и прочитанного.

Наконец, он поднёс Таисию к столику. Посадил на стул. Сам прошёл на противоположную сторону, взял бутылку и наполнил рюмки на треть. Поднял свою рюмку.

– Тося, давай выпьем за такие вот минуты. Так мне всегда приятно с тобой встречаться, видеть тебя. При виде твоём у меня всегда тонус повышается. – Она подхихикнула. – Так бы тебя всю исцеловал прямо принародно. Но... Но сегодня особенный день, радостный. И ты извини, что не оставил тебя сразу после работы, а выдернул сейчас. Дел всегда по самую макушку. Новость мне только что сообщили.

– Что за новость? Если, конечно, не секрет.

– Нет, дорогая, здесь нет секрета. Мне дали новый завод! Завод "Извести"!

– Правда?

– Да!

– Наконец-то! Сколько ты из-за него перенёс переживаний. Нервов...

– Знаешь. Тося, да не завод меня больше интересовал, если честно.

– А что тогда?

– Деньги. Мне эти деньги нужны для строительства новых домов. На развитие посёлка, его инфраструктуры. Заводы такие, как я слышал, не на одном из предприятий, где их построили, не пошли. Тормозное производство.

– Тогда зачем же их строят? – Таисия искренне удивилась.

– Из престижа. Какой-то корифей от науки, профессор или академик, проталкивает его через наше ведомство. Видимо, кто-то есть у него, тяжеловес какой-то в ЦеКа или в правительстве Союза. В виде, мол, эксперимента, опытного образца... Ну и пусть! Нам это на руку. Через год-два у нас ещё пара-тройка домов стоять будут. А завод... – он хохотнул, – на металлом спишем. Опять прибыль.

– Ну, ты, Родик, и молодец! Я тобой восхищаюсь.

Он подмигнул.

– Вот за это и выпьем.

Родик выпил коньяк одним глотком. Таисия лишь пригубила.

– Закусывай, что душе глянется.

Сам взял кружок колбасы и, пройдя на мягкий диван, сел в него с шумом, из мягких пор вышел воздух.

– Иди ко мне, – отправив колбаску в рот, он бросил на кожу дивана руку.

Таисия очищала банан.

– Счаааззз... – пропела она, и, игриво глядя на Родика, ввела кончик фрукта между губ.

Надкусила и с вождением стала смаковать во рту дольку, перекачивая её от одной щеки к другой.

Положив надкусанный банан на столик, вальяжной походкой направилась к Родику.

...Провожая Таисию, Татарков сказал ей на прощание:

– О новости, что я тебе первой рассказал, можешь по управлению звонить. Но, Тося, о моих мыслях относительно перспективы "извести", губки на замок. Может, мы её ещё запустим, наладим и работать будем – это тоже производство денежное. А может... Словом, это не твоего ума дело. Договорились.

– Конечно, Родион. Мне это надо?... – она сносила в холодильник продукты.

– Вот и хорошо.

Перед уходом она поцеловала его, и он закрыл за ней дверь кабинета.

Родион Александрович подошёл к телефону. Набрал номер. На другом конце провода прозвучал женский голос главного бухгалтера Доляжмодич.

– Да, слушаю.

– Антонина, нам завтра ехать в главк.

– Поняла. Во сколько?

– В шесть выезд. За тобой заеду. Захвати и отчёты. Они где у тебя?

– Дома. К шести готова буду.

Нажал на рычажок и вновь набрал номер. Долго не отвечали. Затем хмурый полусонный голос прохрипел.

– Да.

– Толька, завтра в шесть утра выезжаем в Москву. Машину подашь к дому.

– Понял, Родион Саньч.

Директор положил трубку и прошёл к шкафу. Достал из него плащ, надел. Выключив в кабинете свет, закрыл его на ключ, закрыл и приёмную, и направился по сумеречному коридору второго этажа к запасному лестничному маршу, к "чёрному" выходу, расположенному в центре здания на тыльной стороне. Все этажи освещались лишь плафонами, одиноко горящими в середине коридоров. Лестничные переходы были затемнены.

Татаркова провожал гулким эхом стук собственных ботинок. И если на линолеуме шаги смягчались, то на мраморных плитках лестниц шаг раздавался чётче, отзываясь, казалось, на всех трёх этажах и кабинетах управления.

Открыв ключом запасной выход, он вышел на улицу. Ночь встретила осенней прохладой и тучами на небе. И, тем не менее, это никак не повлияло на душевное настроение.

Закрыв и эту дверь на ключ и, положив кожаный чехол со связкой ключей в карман костюма под плащом регланом, Родион Александрович направился домой. Под ногами лежал сырой асфальт и от ветра шумели ветви оголившихся кустов в скверике перед зданием СМУ.

Завтра хлопотный день. Отдохнуть надо, подготовиться к трудовым подвигам.

7

... Возбуждение нарастало.

– Ну, Спиря, дела! – воскликнул Вавилон. – Амбикову – амба! Того, гляди сшибать скоро будем! – и даля подобна...

– Почему сшибать? Он ведь тоже баллотируется. Выбирать будем.

– Из ко-го?..

– Ну, как из кого? Говорят, нашли ему альтернативу.

– Это Сеньку-то Овского?!

– А что ты против него имеешь?

Маленькое личико Вавилона брезгливо скуксилось. Он промасленным пальцем поскрёб затылок, отчего кожаная промазученная кепи, как чёрный блин, поползла на глаза.

– Ты знаешь, Спиря, я к нему почему-то с детства э-э... как бы это помягче сказать, какие-то неприятные чувства питаю. Вот как увижу, как он сопли пригоршней о дорогу шлёпает, у меня к нему сразу вся симпатия, и даля подобна, нарушается.

– Ну, это когда было... – долговязый Спиря примирительно отмахнулся. – Сейчас он с платком ходит.

– Ага, с платком. А размазня та же. А если он ещё к нам в автопредприятие придёт, это ж ни одна машина с гаража не выйдет. Ха, буксовать на его соплях будут!

Оба рассмеялись.

Вавилон спустился в смотровую яму, Спиря остался наверху, забравшись на бампер КраЗа. Стали отворачивать хомуты на коленчатом валу для замены вкладышей.

Два друга, Артём Спиридонов, или просто Спиря, и Архип Вавилов, или по-местному Вавилон, когда-то учились вместе, потом служили вместе и вот уже второй десяток лет работают на одном автопредприятии (на предприятии, входящем в объединение – комбинат). Правда, Вавилон после армии успел "поругать", но потом не по своей воле, точнее по воле "зелёного змия", был переведён на "яму", где так и остался (от греха подальше, "даля подобна", – как он любит выражаться). Он стал у Спири чем-то вроде подручного, хотя работали они в одной должности – автослесарями. Друзья они были давние, дружба у них была прочная, несмотря на то, что внешне они разительно отличались друг от друга: Спиря – малоразговор-

чивый, смугловатый и «долговязый»; Вавилон – щедущий, невзрачный и подвижный. Если первого выгодно отличала внешность, то второго – язык. Его словоохотливость, философская рассудительность были одним из примечательных черт характера. При малословной и доброжелательной публичной речевой дар Вавилона напоминал радио, а оборот "даля подобна", вводимый в предложения, скрашивал речь, как заключительный аккорд в песне.

Один болт на хомуте не отворачивался, и Архип закричал от натуги.

– Ты это, Вавилон, полегче там, – предупредил Спира, – болту, смотри, голову не открути.

– М-м-м... – стонал внизу подручный. – Чё болту! Тут у самого голова кругом. Будто под накидную головку ключа попала, того гляди, вязи свернутся, и даля подобна...

Наконец болт стронулся. Спира и Вавилон облегчённо вздохнули. Последующие отвернулись легче. Они складывали части на бровку ямы под мотором машины.

– Ну, кажись, всё. Вылазь, – сказал Спира, сходя с бампера. – Мда, надо ж как вкладыши приварили

– Плохо, когда у машины нет одного хозяина. Рулят на ней кому, как в голову взбредёт. Доездились, – недовольно ворчал Вавилон из ямы. – Вот так и с нашими властями, и даля подобна...

Он пошёл вдоль ямы к ступенькам, выводящим наружу. И остановился от неожиданности.

– Спира, ты посмотри-ка, кто к нам зарулил?.. – с удивлением сказал Вавилон.

Спира, собиравший ключи и детали, выглянул из-за машины.

По проходу шёл Овский Семён Иванович. Шёл, не спеша, оглядываясь по сторонам, как бы прицениваясь к хозяйству. На вид ему было лет сорок, среднего роста, немного грузноват. Одет в модное демисезонное пальто, хотя на дворе господствовала установившаяся весна, в туфлях. Лицо продолговатое, нос был бы ничем не примечательным, продолговатый, с картофелинкой, если бы лепестки его не были розовыми, даже красноватыми – признак хронического насморка. Массивный подбородок придавал облику тяжеловесность. Жёсткие волосы, подбитые проседью, нависали на узкий лоб.

Подойдя к слесарям, Семён Иванович поздоровался, как со старыми приятелями.

– Здорово, ребята! – и протянул каждому руку.

Вавилон посмотрел на свою ладонь и, как бы оправдывая своё нежелание здороваться, сказал:

– Да руки грязные, – взял с подножки машины ветошь и стал обтирать их.

– Да ладно, чего там, – протестничал Овский, – не та грязь, что на руках, а та, что в душе, как говорится.

– О, тогда пожалте! – засмеялся Вавилон и подал руку.

Обменялись рукопожатиями.

– Чей-то ты в наши края зарулил, Семён Ваньч? Раньше тебя и калачом не заманить было.

Овский, испытывая заметное смущение от прямого, явно с подковыркой вопроса, ответил:

– Да так. Хожу, смотрю, как живёте, чем дышите...

– А чё приниматься, Сеня? Трезвы, как стекляшки, – Вавилон скрытно подмигнул другу. – Э-э, никак готовишься принять гараж, и даля подобна, под своё начальство, а?

Семён Иванович неопределённо пожал плечами, глаза его избегали встречи с глазами рабочими.

– Выберете, значит, приму.

– Так серьёзно выходит, затеяли с выборами?

– Жизнь, видите, какая. Предъявляет новые требования, – пустился в объяснения кандидат. – Вот и применяем их на практике, так сказать, идём в русло нового времени, гласности.

Вавилон понимающе покивал головой.

– Значит, ты у нас в качестве нового требования, Горбачёв прислал?

Семён Иванович торопливо достал из кармана платок и чихнул в него. Твоя правда, Вавилон! Потом с шумом высморкался и обтёр губы. Архип брезгливо отвернулся.

Не прощаясь, Овский пошёл вдоль бокса, вытирая платком руку, которой здоровался со слесарями.

– Хватит это требование с нами горя, – посочувствовал Спирия, глядя Овскому вслед.

– И мы тоже, – раздумчиво проговорил Вавилон и добавил. – Неспроста, Спирия, он к нам нарисовался. Неспроста. Не сёдня-завтра, гляди, рулить нами будет. Попомни моё слово.

Спирия добродушно усмехнулся.

– Стратег. За неделю вперёд видишь.

– А чё гадать. Дело ясное. Решили под шумок, и даля подобна, спихнуть Амбикова. Не вписывается он в их требования.

Спирия пожал плечами: дескать, поживём – увидим, и они стали собирать детали и ключи. Подошёл обеденный перерыв.

7

Перед обедом на щите объявлений, возле диспетчерской, появился отпечатанный на пишущей машинке текст.

"В Красном уголке АТПр сегодня в 16.30 состоится общее собрание СТК.

Повестка дня:

Выборы директора АТПр. Кандидаты:

1. Амбиков Виктор Константинович.

2. Овский Семён Иванович.

Кто не сможет принять участие в выборах, может свой голос в письменном виде передать секретарю парторганизации т. Тишкину В.В. или председателю профкома т. Горбунков А.В. через диспетчера."

Прочитав объявление, Вавилон воскликнул:

– А! Я чё говорил? Вот она, даля подобна!.. – и тут же хлопнул себя по бокам от досады.
– Только это, почему именно сёдня-то?.. Мне ж сёдня... мне некогда. Мне после работы за малым к теще ехать надо.

– Ну и ехай, – спокойно сказал Спира. – Отдай Валентине писульку и ехай.

– Ага, писульку ей! Ей только дай ... – засмеялся он не без намёка, чему усмеялся и Спира. И добавил серьёзно: – Тут самому хоца... Что не говори, диковинка, выборы директора. Когда ещё такая комедия, и даля подобна, повторится? – и он, похоже, действительно был не на шутку раздосадован. Это было первое собрание, на котором он хотел бы побывать и добровольно.

После обеда они вошли в комнату отдыха – большое, прокопчённое, прокуренное помещение. В нём, как всегда, стоял дым коромыслом. Мужчины, собравшись вокруг стола, за которым играли в домино, бурно обсуждали назревающее событие.

– Нет, парни, как хотите, а Амбикова не надо отдавать. – Слышался густой баритон, и следом стук костяшки по столу. – Это факт!

– Чё, Ваня, забыл, как он тебя на месяц в яму опустил? – отозвался в ответ насмешливый молодой тенор.

– Сам виноват. Жрать за рулём будешь, и тебя опустит... Ха! – шлепок по столу.

– Этот хоть дело знает. А Сенька что?

– Этот тоже знает, где что достать, во времена сплошного дефицита.

– Ага, в дефицитах щеголять будем. Ха!

Подожли Спиридонов и Вавилов.

– Об чём шумим, братва? – спросил Спира.

На его вопрос ответил Ваня, кучерявый, солидного телосложения мужчина с дымящейся папирсой во рту.

– Собрание проводим, Спира. Думаем, как Амбикова бортануть через край?

– И без нас абортируют, – вставил Вавилов.

– А тебя, Вавилон, мы альтернативой выдвинем. Во, будет смеху подобно!

– Зачем меня? Тут кандидатура есть, куда смешнее. И новому времени соответствует. Не веришь мне, спроси у Спири. Он сам нам признался.

– Мы только сейчас о его соответствии и говорили. В комсомоле дурака пятнадцать лет провалял, теперь к нам для поддержки штанишек. – Иван вдруг нетерпеливо заёрзал на скамейке. – Ну, Серёга, ставь пять-пусто! Ставь, не стесняйся. Счас я тебе вкачу голова! Чистенького, без единой крапинки. Хочешь, дам посмотреть! – в игре ему не было равных.

Вокруг стола оживились. Серёга, молодой парень, соперник кучерявого, в растерянности заметал взгляд по неровной крапчатой змейке из домино, лежащей на столе. Белобрысое лицо покраснело в предчувствии неотвратимого позора.

– Ставь! У тебя она. – Наседал Ваня, густо и самодовольно попыхивая папиросой. Он готов был сорваться со скамьи и с маха вбить в стол "горящую" в руке костяшку. Рука широкая тяжёлая, такой крагой, шутя столешницу проломишь. Вавилон с уважением относился к таким авторитетам.

Серёга тяжело вздохнул и, виновато глянув на своего напарника, выбросил на стол две костяшки.

– Вот она!!.. – дико взревел Ваня, и оглушительный хлопок по столу от его пятерни содрогнул помещение.

– Ко-зз-лы-ы!!!

Смех, шутки посыпались в адрес схлопотавших "голова, без единой крапинки". "Козлы!", "генералы!" и "дале подобно..."

Появилось вакантное место, и Иван, перемешивая домино, приглашал следующую пару.

– Следующий! – в голосе слышались задор, удаль.

Вавилон поддакнул:

– Следующий, кричит заведующий.

– Вавилон, заведующего мы сёдня избирать будем. А я честно выиграл, – заметил Иван с достоинством.

Чего Вавилон и не пытался оспаривать.

– А мы знаем, что ты с усам, – и с сожалением проговорил. – И чё они сёдня выборищи наладили? Нет, чтоб через день-другой.

– А тебе-т што?

– Так мне сёдня за малым ехать после работы. Завтра к врачу вести. Каки-то нарасти у него под коленями выросли. Говорят, что это у него от сердца, или от нервов, и даля подобна...

– Ну, ясно, что не от удовольствия. У кого один-один, ходи!

– Так я и говорю, что они сёдни затеялись, нет, чтоб завтра.

– Да ехай. Без тебя что ли не выберем? Гляди-ка, пытица важная. Ха!

На "пытицу" рассмеялись. А Спирия заметил:

– Это как сказать. И один голос может роль сыграть.

– Ага! Ложка дёгтя в бочке мёда?..

На маленьком лице Вавилона вдруг засветилась прокуренными зубами плутоватая ухмылка.

– А чё, Ваня, хошь, я вам хохму учудю? – спросил он, запуская пятерню под фуражку, заскрёб затылок, кожаный блин зашевелился и пополз на сузившиеся глазки. – Вы за Амбикова, да? А я возьму, да за Овского свой голос напишу. Вот будет хохма, а?

– Ха-ха! – заразительно расхохотался Ваня, почти догоревшая папироса висела на его нижней губе. – Давай, Вавилон, отхохми! Посмотрим, что получится. Ха! – хлопнул костяшкой по столу.

На Вавилона уставились улыбающиеся лица.

– Я вам один всю карту перебыю! Хотите?.. Во где у меня голый! – потряс в воздухе жилистым кулачком. – Вкачу его я вам по само нёкуда, и даля подобна. И без всякого солидола! – залиvisto расхохотался, поддев на место фуражку, и торопливо потянул дружка за руку. – Пошли, Спирия, мой голос писать.

– Давай, давай, Вавилон, сыграем. Посмотрим, чья возьмёт. Ха! Дуплюсь!

– Будешь у меня петухом кукарекать! – пообещал Архип на прощанье. – Это тебе не домино. Это стратегия.

– Давай, давай, сыграем...

8

Утром на углу дома Архип Вавилов поджидал Артёма Спиридонова. Ему не терпелось узнать результаты голосования. Игра, что он вчера предложил ради потехи, почему-то не на шутку разволновала его. Вавилон даже во сне видел, как его бумажный "голос" летал голубком по Красному уголку, и сел прямо перед Овским на стол президиума. Овский украдкой тянулся к голубку, подманивал, как живого, а Архип, наоборот, старался спугнуть его.

– Кишшшшш! – шипел он, – Кишшш скотина!

И проснулся от толчка в бок.

– Ты что, в гараже что ли?! – разбудила жена. – Шипишь, как пробитый баллон.

Архип открыл глаза и обрадовался – голубок не достался Овскому. Галине отвечать не стал, хотя она ещё долго ворчала: разбудил, паразит, и дале подобно... Он повернулся на бок и попытался заснуть.

Сна не было. За окном уже брезжил рассвет, и по улице начали проезжать редкие машины и мотоциклы.

Вместо сна стали накатываться воспоминания.

В школе Сеньку Овского недолюбливали. И не потому, что он был из рук вон какой хулиган. Нет, не всякий хулиган так обескураживает. Тут, наоборот, за то, что он был нерасторопным, плаксивым и сопливым. И ему за это доставалось. Над ним смеялись, дразнили, а он плакал. Умом Сеня тоже не отличался, и учился так себе, ниже среднего, хуже, чем Вавилон со Спирей, но они и не старались в отличие от него. Пожалуй, единственное, в чём он преуспел – это в исполнительности. Что бы ему не поручали в школе, Сеня выполнял с прилежанием. Не выражал протеста, если его обременяли обязанностями звеньевого, редакторскими заботами, хотя, что рисовать, что писать он умел одинаково. Но Овский это делал, и его усидчивость всех удовлетворяла: и учителей, и вожатых, и учеников. Одноклассники с потешным азартом голосовали за этого увальня на любую должность, чтобы только он сам не отказывался. Наверное, за это у него и оценки были выше среднего бала. На деле и впрямь оказывалось, что кроме него вести общественную работу в классе некому. Ни у кого к ней не пробуждался интерес. А что касается Спири и его, Вавилона, то им и вовсе не было времени: то лыжи, то цветомузыка, то техника – трактора, машины. Мечтали поступить в автодорожный техникум, да пожалели матерей оставлять одних. Так и приросли к гаражу. В Армии выучились на водителей.

На производстве, как и в школе, тоже ведётся общественная работа, только играют в неё взрослые люди, и важность этой работы каждый понимает по-своему, по тому сознанию, какое было заложено им в детсаде, в школе, самой жизнью, опытом... И Архип принял эту игру в чистом виде: с формалистикой, с показухой, с обязаловкой. Поэтому, зная заранее сценарий любого собрания, старался от него улизнуть, а если же этого не удавалось сделать – ("когда в добровольно-принудительном порядке за шкирятник приводят!"), – то активность его проявлялась лишь на заключительном этапе – при голосовании его ладонь, как штык, поднималась среди прочих, лишь бы поскорей закончить пустое времяпровождение. Так когда-то они проголосовали за Овского, когда того избирали в комитет комсомола школы, затем и секретарём комитета. Позже он, очевидно, потому же единодушию (Артём и Архип служили в Армии. Сенечка по какой-то причине был от службы освобождён) прошёл секретарём комитете комсомола на предприятии, где и застрял, бедолага, на целых пятнадцать лет. За это время закончил пединститут, лет за семь.

Но вот пришла, видимо, пора отрывать его от полюбившегося занятия, поскольку комсомольский возраст стала подводить седина. Но Архипу почему-то казалось, что бывшему однокласснику новая должность не подходит. По его мнению, и уже немалому опыту, ему представлялось, что тут должен быть человек беспокойный, грамотный и с характером. А в Семёне

Ивановиче эти качества отсутствуют, как молоко в пустышке. Но, однако же, несёт его нелёгкая на эту должность, как баллон на гвоздь, на свою и чужую беду. И тоскливо становилось от этого предчувствия на душе. А та шутка, что он предложил вчера из озорства, теперь томила Архипа. Ведь если выборы будут келейными, как пишут в газетах, то его голос может действительно "вогнать голова" всем, в том числе и ему первому.

Перед уходом на работу Галина спросила:

– Что такой хмурый, не выпался что ли?

– Выспишься с тобой. Весь бок отшибла, – пробормотал Архип.

– По ночам поменьше орать надо. На собрании что ли?

Они, было, заспорили, оба за словом в карман не лезут. Но Архип торопился и не стал ввязываться в перебранку.

Утро выдалось пасмурным, серым и прохладным, того гляди, просыплется снег. Вавилов, стоя на углу дома, ёжился, закутывался в лёгкую болоньевую курточку.

Как и многие пацаны, они часто "уркоганили", лазали по чужим огородам за яблоками, грушами, иногда и за овощами. Хотя всего этого было достаточно и на своих огородах. Даже за зелёными фруктами делали набеги – чужие всегда слаще. Особенно прельщал сад дядьки Вальки. Сад находился на окраине семьдесят третьего посёлка, и к нему можно было подобраться с любой стороны.

При очередном набеге им с этого огорода пришлось драпать с невероятной скоростью – дядька Валька на помощь в охране своего сада приобрёл овчарку. Эта собачка и придала им ускорения. Она не лаяла, но издавала рык такой, от которого душа выскакивала из пацанов птицей и помогала им перелетать заборы.

Лишь один от такого преследования не убежал. Собака его настигла у забора, и он стоял перед ней, раскорячившись.

Хозяин, покрикивая на пса, осаживал его:

– Нельзя! Сидеть!

И пёс сел перед незадачливым воришкой.

Валентин, подбежав к пацану, спросил:

– Сёмка, а ты чего не убежал?

– Не могу, дядь Валя... – ревел Сёма, – я обсерился...

Вавилон вспомнил детские забавы и рассмеялся.

"Ну, наконец-то..." – облегчённо выдохнул он, завидев Артёма.

– Ну как, привёз малого? – спросил тот, здороваясь.

– Привёз. Счас Галка пойдёт с ним к врачу. Ну, как выборы?

– А никак, – меланхолично ответил Спирия.

– Как это? – удивился Вавилон. – Перенесли что ли?

– Да нет, избирали.

Они шли к остановке служебного автобуса, и Вавилов кружил вокруг Спиридонова.

– Ну не томи, Спирия. Вечно ты любишь по нервам проехать. Каланча, опора высоковольтная, и даля подобна... – ругался он.

Спирия поглядывал на дружка свысока и насмешливо.

– Ну, чё, как жирафа, косишься?

– Хм, да ты, Вавилон, своим голосом все карты спутал. Вон, Иван рулит. Требуи, чтоб петухом на всю улицу кукарекал.

Они подождали кучерявого.

– Привет, братаны! – поздоровался Иван, протягивая каждому руку. – Чего лыбьтесь?

– Да вот, Спирия говорит, чтоб я заставил тебя по-петушину со сранья петь. Чё, поспорил, что ли? – прищурился Вавилон.

– Если бы проспорил, то... – Иван развёл широкие ладони в стороны; дескать, делать нечего, пришлось бы кукарекать.

– Ну, чё случилось? Рассказывай всё путём, а то заставлю кукарекать!

– Дак что тут рассказывать, Спирия, наверно, уж рассказал?

– Ага, как раз. У него язык знашь где? Пока вытянешь, свой отвалится, и даля подобна... Рассказывай! – горячился Вавилов.

– Да что... Глотки драли за Амбикова, а как голосовать стали...

– И что?

– Ха-ха! Уравнялись оба!

– Вот это арихметика! Кто подсчитывал?

– Так сами. Татарков и компания.

– Во, комиссия!

– Это ты своим голосом обоих уравнял.

У Вавилова вытянулось лицо, и сам он как будто бы стал выше.

– Как э-это, даля?..

– А даля получилась бесподобно. Твою писульку Татарков вытащил из папки и потряс ею. А вот, говорит, товарищи, голос Вавилова Архипа Сергеевича. Он его просит отдать за товарища Овского.

– О-ё!..

– У Сеньки от такой поддержки аж с носа закапало, – вставил Спиридонов.

Вавилон замычал, брезгливо скорчил физиономию и циркнул слюной через зубы в сторону. Обтёр кулаком губы.

Ваня продолжал.

– Татарков тут и рассмеялся, – и, подражая генеральному, прогудел: – Хо-хо, ну, товарищи, в трудное положение вы меня поставили. Прямо не знаю, что и делать? Ну, раз вы сами не смогли выбрать себе руководителя, то я подумаю, как вам помочь.

Все трое рассмеялись.

– Ха, подумает! – воскликнул Вавилон. – А я вам счас разъобъясню, чего он придумает?

– Хм, – усмехнулся Спирия, – стратег.

– Смотри!

Вавилон взмахнул жилистым, серым от вьевшегося мазута, кулачком левой руки, и словно о стол, как это делал Иван в обеденный перерыв в комнате отдыха, хлопнул с размаху о ладонь правой. Раздался звонкий шлепок.

– Получите! Голова, и без единой крапинки!

Друзья с насмешкой наблюдали за его пантомимой. На правой ладони Вавилон изображал вилку из растопыренных пальцев левой руки, между которыми медленно вводил большой палец с чёрным ободком под ногтем. Из чего без труда угадывалась известная конфигурация из трёх пальцев.

– Так ещё же не ясно, – протестуя, отмахнулся Ваня, с азартом не сдающегося игрока.

– Чё тут не ясно?! Чё не ясно? Все ясно-понятно, как Божий день. Комедия из двух действий. В первом акте нас раздраконили, а во втором... – дёрнул на себя руками, – и даля подобна! И притом, демократично. А?..

Вавилон заливисто расхохотался, довольный тем, что на сей раз он обыграл Ивана. Ваня же мотал головой, выражая не согласие.

– Стра-атег, – добродушно посмеивался Спирия, приобняв Вавилона. – Не голова – Дом Советов. Стра-атег...

– А! Как я вас? – даля подобна...

Вавилон был внешне в восторге, но это не говорило о том, что он выиграл. Игра ещё только начинается. Он это предчувствовал, – сшибут Амбикова! Как пить дать – сшибут.

Доиграемся, однако, ох, доиграемся, даля подобно...

9

Крючкову пришло письмо за подписью заведующего общим и литературным отделами областной Газеты "Знамя" Шапкина Василия Ивановича. В нём излагалась просьба, по сути, первое задание редакции. Съездить в районный центр Кондырёво и проверить жалобу работников магазина. В магазине не работают морозильные камеры, и сам магазин постоянно подтапливается дождевыми, а по осени и весне – талыми водами.

Как на заказ, погода стояла дождливая, оплакивала уходящее лето.

Вечером после работы зайдя на почту и купив в киоске простенький блокнотик, шариковую ручку, механический карандаш с выдвигающимся стержнем, на всякий случай, общественный корреспондент готов был к выполнению задания редакции.

Суббота по ДСЗ и ещё по некоторым производствам была объявлена рабочей, но те специалисты, что не имели непосредственного отношения к технологическому процессу по переработке щебня, плитки, кирпича, не привлекались, или привлекались на сельхоз работы.

Накануне Геннадий отпросился у Дончака с работы, на всякий случай.

– Николай Митрофаныч, мне на завтра нужно быть в Кондырёво. Как вы, не против, если я не выйду на работу?

– Не против, – ответил начальник цеха и с усмешкой добавил, – Но знай, ты будешь первым среди добровольцев на уборку картошки.

– Понял, – вздохнул Гена. – И когда?

– Да, наверное, со следующей недели начнётся. Человек пять снимать придётся, в том числе и тебя.

– Мда, хорошая перспектива.

– Синоптики предсказывают на следующей неделе вёдра, так что предприятие должно быть готово. То есть мы с тобой, а там как масть ляжет.

– Хорошо, сапоги и ведро уже готовы.

...Автобус в районный центр ходил через каждый час, и поскольку расписание Геннадий не знал, пришёл на автостанцию к девяти часам. И почти угадал. Автобус выходил в девять часов и десять минут. Пришёл к этому часу ещё с той целью, что в это время транспорт не должен быть переполненным, так как основная масса – учащихся ПТУ и работников предприятий, ездивших на работу из посёлка, не должно быть много. И расчёт оправдался. Были свободные места в автобусе, на одном из которых у окна сразу за передней входной дверью, он благополучно расположился.

Ехать пришлось долго, целый час, как предписывалось расписанием движения. Автобус по маршруту заходил в три населённых пункта, находящиеся от трассы в нескольких километрах, где гладких дорог как таковых не было, их можно было только выбирать, или скакать по выбоинам в асфальте. И "ЛАЗ" часто трясло на "кочковатой" дороге. Он надсадно кряхтел при переключении скорости, скрипел, гудел, как недовольный затравленный зверь. Но покоялся силе, им управляемой, менял ход. Однако, сравнивая дорогу до райцентра с "республиканской", эта были всё же мягче, особенно там, где шуршал под колёсами щебень, гравий.

С перекрёстка Окатово открывалась широкая панорама плоскогорья, затем возвышенности, а ещё дальше, горизонт с правой стороны закрывала огромная гора отсева от карьерных разработок. Она белела над округой, как Эльбрус над Кавказом. Но если последний вызывал положительные эмоции, поэтические настроения, то этот белый курган – грусть и недоумение над человеческой беспечностью, варварством. Вырыть из земли столько известнякового камня, и вместо того, чтобы в те же ямы ссыпать эти отходы, насыпали гору на поверхность земли, искажив ландшафт и природу. И, похоже, стоять этой "достопримечательности" до скончания

земли-матушки. И куда смотрят, или смотрели местные власти, допустившие такое архитектурное безобразие?

Нет, как бы Татаркова не называли люди за глаза, сетуя на него или восторгаясь им, но в этом вопросе он всё-таки молодец. Рачительный человек, хозяйственный. Свою гору отсева потихоньку спускает в карьер, возвращает земле вычерпанное из неё, хотя бы тот же старый отсев.

Лениво обежав взглядом проплывающую за окном панораму, Крючков начал подрёмывать, но вспомнив о генеральном директоре, он вдруг вскинулся. Показалось, что кто-то хихикнул ему на ухо – хи-хи! И как будто бы голос знакомый. Гена открыл глаза, повернул голову на бок. Рядом сидела какая-то женщина и клевала носом.

Гена повернулся к окну, и начал снова забываться. Однако проснулась память и, как ночная лампочка, осветила картину его беседы со старухой Кукарекиной. Её униженная, заискивающая манера поведения. Этот мелкий угоднический хохоток, – а взбодрил его именно он, а не ухабы на дороге: хи-хи... – и дрёма прошла. Если вечером вначале их беседы баба Варя вызывала жалость, сочувствие, то сейчас – это была ведьма, и от неё он отмахивался. Чур-чур, изыди нечистая!..

– Директор, Родион Саныч, благодетель наш велел. Он мне ваш адресочек и подсказал... – не унималась старуха.

Вот заноза! Директор велел, директор велел... Обнаглел, вот и велел. Выкидывают фортели, издеваются над людьми.

Гена устался в ветровое стекло водителя, которое располагалось перед ним через ступеньки входа. После дождя дорога извивалась тёмной лентой перед автобусом. Некоторые лужи автобус объезжал, по некоторым с шумом проплывали под колёсами. И вспомнились опять грязные дороги в Татарково.

Татарково, Татарков...

И он опять едва не подскочил на сидении и не вскрикнул, – так ужалила его неожиданная догадка! Он понял! Он понял, с какой целью директор заставлял бабу Кукарекину писать жалобу на него в отраслевой профсоюз.

"Да что это я!.. Ммм... – и прикрыл ладонью рот. – Я ж не хрена не понял его заморочку! Ну, ничегошеньки! Вот осёл! Вот раздолбай!.. Татаркову, действительно, нужна была жалоба! Там ведь тоже полно бюрократов. Они ж потом ни ему, ни старикам житья не дадут, если он самовольно выделит им квартиру!"

До Геннадия только теперь на свежий ум, стал доходить весь замысел, задуманного директором хода. Татаркову нужен был ответ на эту жалобу. Вердикт, которым тамошние деятели сами подписали бы старикам ордер. А коли он дал адрес отраслевого ЦеКа профсоюзов – «оциас спиа»! – то наверняка знал, что такой ответ оттуда поступит.

"А я бабу вытурил! О, ё-моё... Вот раздолбай!" – Сам едва не закукарекал.

Хоть из автобуса выскакивай и беги назад в Республику, ищи эту бабу Варю. И не спросил, где она живёт, и где живут её дети? Посёлок большой, по этажам не набегаешься.

Вот раздолбай, ох, раздолбай! Писатель! Думать, надо, думать!.. И новая волна стыда закачала Гену на сидении. И дорога ему показалась совсем избитой – его встряхивали ещё и переживания.

10

После долгой езды автобус, наконец, спустился с горы в Кондырёво к автостанции. Крючков облегчённо вздохнул. "Вот надо же было так облажаться... Эх, бабка Варя, бабка Варя... приеду домой, попытаюсь найти тебя".

Теперь же предстояло найти улицу Пушкина и дом номер 34. Геннадий решил зайти в автостанцию и выяснит этот адрес у кассирши.

Но этого не понадобилось. Из двери вышел одно посельчанин, чернобровый, немного мешковатый, мало знакомый. Но они признали друг друга, и обрадовались.

– О, привет! – протянул руку незнакомый знакомец.

– Привет! – пожал упругую ладонь Геннадий.

– Ты чего сюда?

– Да вот на улицу Пушкина хочу попасть. Не знаешь, где она находится?

– Тю-у, да она вот она, пошли.

Они обогнули деревянное здание автостанции, выстроенное под терем, и вышли к широкой площади между берегом речки Шани и городской асфальтированной улицей. Остановились.

– Вот перейдёшь эту площадку, так? – стал пояснять сопровождающий, показывая свёрнутым зонтом направление. Гена кивнул. – По мостику перейдёшь Шаню, и ты на улице Пушкина. И так понужай прямо, никуда не сворачивай. Понял?

– Понял. Спасибо!

– Ну, а мне ещё в Чапаевку добираться, – сообщил знакомый. – Инвентарь картофельно-уборочный отлаживать. Помогать надо сельскому хозяйству.

– А ты от какого завода?

– Так от мехзавода. Попросил Машков выехать на выходные. С понедельника думают картошку копать. Погоду обещают синоптики, а Родион Саныч – своих специалистов по колхозам.

– Ты, случаем, не муж Гали Чебертун?

– Точно! На мне написано? – засмеялся Чебертун.

– То-то вижу, мужик знакомый, не признал сразу. Мы ж с ней в одном цехе работаем. Я киповцем...

– Да я ж тебя сразу признал. Твоя ж жинка у нас на заводе, в отделе комплектации работает. Ты к ней иногда прибеживаешь. Да и я в Галинкином цехе тебя пару раз видел, когда тоже к жинке прибеживаю. Ха! Виталька, – представился Чебертун.

– Геннадий.

Вновь пожали друг другу руки.

– Ну, я пошёл, – сказал Крючков.

– А я поехал, – ответил Виталька, направляясь обратно на автостанцию.

Переждав несколько проходящих по улице машин и перейдя дорогу, Гена пошёл по площади и вышел на мостик, как и показал Чебертун. Это был шлюзовой узел через Шаню. За рекой стояли здания бумажной фабрики, из красного кирпича, потемневшего до буро кирпичного цвета от времени и проверенного им же на прочность. Таким сооружениям стоять ещё и стоять. Говорят, раствор раньше замешивали на куриных яйцах...

Перейдя шлюзовой мостик, он направился вдоль реки. Берег был отсыпан песком. Геннадий вспомнил, что весной берег подтопило, и нависла опасность затопления бумажной фабрики. Об этом писали в "районке", "Путь к коммунизму". Песок уже слежался, немного оплыл под дождями, потемнел, словно загорел за лето.

Улица оказалась длинной, через весь город, как позже выяснилось. И шла на подъём, хоть и не крутой, но по сырой погоде с редкой осенней моросью, утомительной. Ветерок дул с боку, делая дождь косым, занося капли под зонт. Поглядывая на номера домов, а на улице стояли вначале частные и лишь выше, потянулись пятиэтажные, он дошёл до дома номер 34.

На душе было волнительно. Всё-таки первое задание от редакции.

Внешне дом ничем не отличался от тех, что по соседству – братья-близнецы. Рождённые одной матерью-эпохой, по одному стандарту и архитектурному замыслу. Отличались лишь экранами на балконах, да тряпками, что висели на верёвках, на просушке под дождливой моросью.

Но у этого дома перед входом в магазин лежали доски, напоминающие полу разобранный пешеходный тротуар. Само же асфальтовое покрытие под ними от парапета дома до кирпичной стены, обваловки, было под слоем воды, кое-где зацветшей, присыпанный осенними листьями. И, не смотря на прохладную погоду, откуда-то раздавались звуки, напоминающие лягушачье кваканье.

Магазин занимал весь первый этаж, со стеклянными витражами, оформленные всевозможной рекламной продукцией, от копченых колбас и ветчины до консервных банок.

По тротуарным доскам Крючков прошёл к широким двухстворчатым дверям.

Навстречу из магазина выходила пожилая женщина с девочкой.

– Галинка, осторожно, не спотыкнись, – беспокойно предупредила она спутницу, и поблагодарила Гену: – Спасибо. – Он придержал двери и сделал шаг в сторону, уступая им тротуар.

– Когда наведут тут порядок?.. Какой год плавают.

Крючков вошёл в магазин.

Широкие залы. И каждый из них отделён бетонными столбами. Напротив входа – винный отдел. Но вместо водки, вина и пиво, стеллажи украшали напитки, шипучки, "боржом", и редкими: "исинди" и заморским питьём "Кока-кола".

После пятнадцати часов их заменят на то, чему и предназначался отдел. Борьба с алко-голем коснулась всех продточек страны Советов, также и республику Татаркова, и за её пределами. Видимо, данное ограничение сделано с той заботливой целью, чтобы человек напивался вечером, а ночь веселил семью.

Бетонные четырёхгранные столбы частично под облицовочной плиткой. А на некоторых её совсем не было, они стояли серыми, неприглядными, хотя шероховатые поверхности от отвалившейся плитки были подбелены. Стены тоже с частичной облицовкой, где-то она доходила до потолка, а где-то сводилась на нет. Там, где плитка отсутствовала, стены тоже были подбелены, и торговые прилавки выглядели не столь удручающе.

Общее впечатление от магазина было таково, что взыскательный покупатель вряд ли заглянет сюда во второй раз.

Ну, что же, пора знакомиться с заведующей этого заведения. Почему довели магазин до такого состояния? Работнички. И на себя же жалуются.

Крючков подошёл к хлебному отделу, спросил у скучающей продавщицы:

– Здравствуйте! Подскажите, где мне найти ваше руководство?

Он был в костюме, в галстук, автоматический зонд висел на руке, на петельке.

Женщина сидела на стульчике за прилавком и, посмотрев на него оценивающе, спросила:

– А вы кто?

Гена усмехнулся.

– Для вас это имеет значение?

– В некоторой степени. Если вы из строительной организации, то даже очень.

– Нет, не из строительной. Я из областной газеты "Знамя".

– О-о! Ну, тогда мы с вами дружим! – вскочила она со стула, заулыбалась, и крикнула кому-то за перегородку: – Валюха, присмотри тут, я пойду, человека провожу до администрации.

– Ладно. Только не затеряй его где-нить...

Продавщице было лет тридцать пять. Волосы русые, покрытые белым колпаком. Прилаженный халат, чистый, выглаженный. На ногах мягкие тёплые туфли и голубые носочки, с белой опушкой. Вначале показалось грубой и старше возрастом, теперь моложавой, энергичной.

– А мы ведь куда только не писали, куда только не обращались – никакого ответа. Как заколдованный круг. Тут на прошлой неделе написали к вам, и, пожалуйста, с нашим почтением. Быстро вы отреагировали. Правильно я говорила: через газету их надо, прохвостов! – боевито говорила продавщица. – Строят чёрте чего, а нам все неприятности. Я председатель профсоюзного комитета магазина, вот и собрали петицию, и от работников магазина и покупателей привлекли. Я сама и отправила это письмо. Может, хоть чуть совесть у ПМК пробудите.

"Это я удачно зашёл, – похвалил сам себя Гена, – и, похоже, на горячее".

Вошли в коридор подсобного помещения. Стены, некогда облицованные плиткой, были серыми шершавыми. Кое-где плитка ещё поблескивала в свете ионовых светильников с двумя лампами, прилепленными к потолку. В отличие от зала, в котором пол покрыт тротуарными бетонными плитами, в коридоре керамическая полая плитка и под ногами хрустела. А кое-где и отсутствовала.

Профсоюзница первой подошла к двери заведующей и, не стучась, толкнула её.

– Вот, Альбина Альбертовна, принимай гостя! И отлавливать не пришлось, сам прилетел. И вон, какой бравенький. Аж из самой "Знаменки".

За столом сидела молодая женщина. Есть ли ей двадцать пять-семь лет?.. Темноволосая, с короткой стрижкой, лицо продолговатое, глаза большие чёрные. Нос немного удлинён, губы слегка припухлые. Не красавица, однако же внимательный взгляд и улыбка располагали. Похоже, евреечка.

Второй стол был пуст, за ним стоял стул. Стояли ещё два стула у торцов этих столов. Для посетителей.

При появлении гостя и аттестации его сопровождающим лицом, заведующая поднялась.

– Здравствуйте. – И выжидающе смотрела на Крюкова.

Наконец он догадался, в чём заминка, и полез во внутренний карман костюма за удостоверением. Подал его Альбине Альбертовне.

– Прошу.

Она просмотрела удостоверение.

– Так вы общественный корреспондент? – как будто бы разочаровано проговорила она, возвращая документ.

– Да, – ответил Геннадий, забирая удостоверение. – А вас что-то не устраивает?

– Да нет... почему же... Мы и вам рады.

"Как раку на без рыбье", – усмехнулся Гена.

– Ну, что же, проходите, садитесь, – показала на стул у свободного стола. – Я сейчас Майжуге позвоню. Мы только что с ним разговаривали, он в исполкоме. Сейчас примчится.

– А кто такой Майжуга? – спросил общественный корреспондент, присаживаясь к столу.

– Генеральный директор Кондырёвского торгового объединения, Николай Михайлович. Альбина Альбертовна подняла трубку телефона и покрутила диск. Вскоре заговорила:

– Майжуга у вас? Можно его к телефону?.. Николай Михайлович, тут ваше присутствие было бы кстати... Приехал представитель из областной газеты "Знамя"... Хорошо, – она положила трубку и сказала: – Он сейчас прибудет. Минут семь-десять, подождёте?

– Конечно.

– В таком случае, пока ждём... чай или кофе желаете?

Гена смутился, пожал плечами. И "ушки" наострил, памятуя о тех корреспондентах, что приезжают в Татарково. Наверное, также всё начинается: с чая, кофе, может, и с винца ... "Не-ет, мы не из таковских! Но от чая или кофе не откажемся. Немного прохладненько после прогулки по улке".

– Да от чайка бы не отказался, – согласился он, снимая с руки ремешок зонтика и вешая его на угол спинки стула, на который присел.

Заведующая сняла с сейфа электрический чайник, напоминающий полусферу шара, и направилась из кабинета, видимо, набрать в него воды.

– Она у нас девушка хорошая, добрая, – пониженным голосом заговорила профсоюзница, – только попала в этот лягушатник себе на горе. Два года уже мучается. Что ни день, то всё что-нибудь да случается. И Майжуга вместе с ней. Уж не рады этому магазину с сюрпризами. Подарок жителям микрорайона. То подвал затопило, сколько продукции попортилось. То плитка облицовочная сыплется, того гляди покупателям на голову отпадёт. Одна бабушка как завизжит – плитка с колонны прямо перед ней под ноги осыпалась. Успела отпрыгнуть. Думали с покупательницей инфаркт от испугу случится. А тут за моим отделом... Приходим утром, – мать честная! – треть стены отшелушилась. Уже на потолки стали с насторожённой посматривать, как бы они не обрушились. Кстати, здесь вот, в коридоре, светильник с потолка открепился. Если бы не провода, так бы и шлёпнулся на пол, или кому-нибудь на голову. Нанимали из жека электрика. Приклеил заново.

Вошла Альбина Альбертовна. Профсоюзница доложила ей:

– Довожу до сведения, как мы тут в замке приведенный работаем.

– Хорошо, Вера Ивановна, спасибо. Идите в отдел, там, кажется, покупатели подошли.

Вера Ивановна согласно кивнула и вышла из кабинета.

Стало тихо, и Крючкову показалось, что откуда-то зазвучала музыка, и притом на одной ноте, постепенно усиливаясь. Он невольно пробежал по кабинету взглядом и остановил его на чайнике, стоявшем на сейфе за спиной заведующей. Электрочайником он никогда не пользовался, ни на работе, ни дома. Да и не было у него в семье этого чудо техники. Дома всегда обходились газовой плитой, а на работе "печуркой".

"Музыкальный, однако..." – усмехнулся он.

Альбина Альбертовна тем временем выставила из тумбочки стола баночку "Nescafe", белую керамическую кружку, пустую плетёную корзинку и высыпала в неё из бумажного кулька горку шоколадных конфет. И из стола тумбочки достала лёгкую вазочку с печеньем. Гене невольно проглотнул слюнки. После холодного ветра и дождика, горячий кофе, да с такими конфетами в век дефицита, с печеньем...

11

В кабинет вошёл человек. Среднего роста, плотного телосложения, волосы с проседью, которые прикрывала фетровая шляпа, лицо энергичное. Глаза открытые, но левый глаз как будто с прищуром, что выражало не то насмешку, не то удивление. При его появлении заведующая приподнялась.

– Вот, Николай Михайлович, человек из газеты, – показала на гостя плавным движением руки.

– Понял, Аллочка, понял. Это хорошо.

Николай Михайлович прошёл к человеку из газеты и протянул ему руку. Гена, поднявшись, в ответ пожал её.

А Альбина Альбертовна продолжала пояснять:

– А это наш генеральный директор торгового объединения...

Опередил директор, представился:

– Майжуга, Николай Михайлович.

– Крючков, Геннадий Миронович, – отрапортовал Гена и полез в карман за удостоверением. Подал его.

Генеральный посмотрел в него и вдруг заулыбался.

– Слушайте, Геннадий Миронович, а не вы ли были автором фельетона, кажется, с "Шоколадным отливом", про Татарково?

Гена тоже улыбнулся и со скромностью ответил:

– Да, был грех...

– Ага, если вы так и с нами согрешите, то будем считать, что дело в шляпе.

И повернулся к заведующей.

– Помнишь, Аллочка? Наши продавщицы, кто из Татаркова, по всему торгу его читали, смеялись? Да и мы вместе с ними. Нет, хорошо, что такого товарища к нам прислали. Фельетончик тут просто необходим. – И, заметив, что прервал чаепитие гостя, сказал: – Да вы пейте, кушайте. А мы пока с Альбиной Альбертовной документацию подготовим.

Альбина Альбертовна достала ключи из халата и подошла к сейфу. Открыв его, выложила на стол папку и распустила на ней тесёмочки. Раскрыла.

К её столу подошёл Майжуга.

Гена доел надкусанное печенье, запил его двумя глотками кофе. И был готов к работе. Это заметил и Майжуга.

– Тут вот, Геннадий Миронович, какая ситуация, – начал он. – Два года назад, то есть в восемьдесят четвёртом году был введён в эксплуатацию этот пятиэтажный дом. И как везде и всюду, под наш торг был выделен самый элитный этаж, то есть первый, с частью подвального помещения под склад и под техническое оборудование. Залы блестили от керамической плитки – глаза радовали. А паркет из половой плитки – обувь. Словом, работай да радуйся, доставляй покупателю и себе удовольствие. Так оно и было. Первое время. А потом в зале завёлся Барабашка, начал отколупывать со стен плитку. Как не придут продавцы утром, глядь, три-пять плиток на полу. А дальше больше – квадратами стала осыпаться. – Николай Михайлович с иронией усмехнулся и продолжил: – А по осени в подвальных помещениях Водяной поселился. Всю воду с улицы стал к себе в подвал собирать. Затопил нам слад, подсобки, где находятся холодильные камеры. Ему-то это дело забавное, а нам слёзы.

– Интересное явление. Отчего же так? – заинтересовался общественный корреспондент.

– Так одна причина – строители дом занизили на восемьдесят сантиметров. Почти на метр.

– Как это? Разве такое может быть?..

– Может, оказывается. Если в магазине продавщица может ошибиться и обвесить, так почему какому-то маркшейдеру или топографу не просчитаться на какой-то метр. Но продавцу покупатели за его ошибку могут лицо попортить, и положение исправиться, а как со строителями быть? Всем сразу, пардон, морды бить или по очереди? Начиная с первого этажа управления строительства и так, верх по восходящей?.. Кулаков не наберёшься. И, как показала практика, у них броня крепкая, не прошибёшь. Вот сколько отписок на наши требования, в том числе на то, чтобы оградил нас от затопления, – ткнул Майжуга в раскрытую папку. – С фасадной стороны соорудили бетонный барьер, вы рядом с ним проходили, да низкий. При большом дожде, и таяния снегов проку от него оказалось меньше, чем дела. Вода, накопившись, хлынула через эту дамбу в магазин, в подвал.

– Магазин пришлось закрыть, и всем персоналом бросится на спасение продуктов из складов подвала, – добавила заведующая.

– Да. А как спасти холодильные установки, морозильные камеры? Так и гниют второй год, – махнул рукой генеральный. – Составили акт, протокол об ущербе, письмо в ПМК-252. Да что толку? Отозвались черти, но с такой оперативностью, что за период их раскочки, мог бы утонуть весь подвал.

– Приехали, посмотрели, пообещали ещё нарастить обваловку, и исчезли. Зима на носу, опять люди в магазин без коньков не пройдут.

– Сами вот сколачиваем тротуары, – Майжуга опять усмехнулся с иронией, – мы тротуары накладываем, жители их разбирают.

– Это почему же? – удивился Гена.

– Так на дачи, или на хозяйственные нужды. Город-то в большинстве своём деревянный, много частного сектора. Нужны дощечки-то... О себе думают, убогие.

– Ну, а посмотреть-то на ваши достопримечательности можно?

Крючков уже понял суть вопроса, и ему хотелось теперь своими глазами обозреть "достопримечательности" магазина. В нём запалился огонёк творческого азарта.

– Конечно, – с охотой согласился Майжуга, но с оговоркой. – Только в подвал мы спуститься вряд ли сможем. В нём теперь царство лягушек, комаров, плесени, воды. Мышки и те из него выселились. За лето подвал не успел высохнуть, а тут уже осень. Но со ступенек лестничного марша обозреть положение можно. Свет там есть, висит контрольная лампочка.

Впереди шла Альбина Альбертовна. Спустившись ступенек на семь лестничного марша на площадку, она щёлкнула включателем на стене и стала открывать дверь, покрашенную в тёмно-коричневый цвет, перехваченную наискось металлической накладкой. Сняв висячий замок, она отвела её в сторону и потянула на себя дверь. Та открывалась со скрежетом нижнего края о площадку, словно выражая недовольство за беспокойство. На посетителей напало подвальной затхлостью, сыростью. С площадки вниз вели ещё ступеньки.

Майжуга и Крючков спустились на три из них и остановились. Теперь уже чувствительнее ударила по обонянию вонь чего-то разлагающегося.

Лампочка, висевшая над входом в подвал, тускло освещала помещение.

– Вот, это наше новое холодильное оборудование, не отработавшее даже свой гарантийный срок, – вздохнул генеральный директор торгового предприятия. – Стоит, гниёт.

Две установки, состоящие из электродвигателей, труб и трубочек, стояли в зарешеченных клетках. Они находились на постаментах, немного выше воды.

– Это ещё цветочки, – пояснил Майжуга, – сейчас, как установятся дожди, то и постаменты скроются.

– А вот подсобки, – показала на обе стороны направо и налево заведующая. – Первый ряд муки из них так и не успели спасти. Уже летом наняли людей, вытащили и отвезли на свалку. А сейчас опять подтапливает.

– И это только начало. Воды сантиметров пять-десять на полу, дожди зарядят, тут хоть на лодке плавай.

– А как там подвал, за стенкой, где кладовочки жильцов и сантехническое оборудование? – спросил Гена.

– Да как? Также. Люди подвалами не пользуются, а сантехники сюда спускаются только в болотных сапогах.

Крючков в удивлении и возмущении только покачивал головой. Спросил:

– А санэпидстанцию сюда приглашали?

– Дважды. Составили акты. Мы вам их покажем. Из архитектурного отдела приглашали. Тоже акт есть. И это всё стоит денег, а платим мы. Отправили в ПМК-252, только после этого эти сапожники отозвались. Немного тут поелозили бульдозером, обваловку подняли, а она осела, осыпалась, вода вновь нашла себе проходы, каналы, и опять под дом. Пойдёмте на улицу, а то тут задохнёмся, – предложил директор, – да лягушки и комары не дают поговорить.

Лягушки, видимо, растревоженные посетителями, разговорились на разные голоса. И один голос несколько раз отозвался басовито, как недовольный хозяин после сильного похмелья, которого разбудили не вовремя.

– По сути, магазин закрывать нужно, – задумчиво проговорил Крючков.

– Да, СЭС уже грозит. Но микрорайон большой, густонаселённый. Вокруг магазина десятка два таких домов, как этот. Люди прослышали о закрытии магазина, собрали подписи и к вам в редакцию направили. ПМК-232 как дот, ни с какой стороны не подступишься. Дом-то сдан. И его приняли на баланс.

– А те, кто принимали, не видели, что им подсунули?

– Видели, конечно. Но, – пожал директор плечами, – у нас, как везде. На мелкие недостатки смотрят снисходительно. Подумаешь – дом опустили на восемьдесят сантиметров. Подумаешь – плитку наклеили на песок...

Майжуга, деятельный и подвижный, водил корреспондента по торговым отделам, и они вместе осматривали стены, осыпавшуюся с них голубоватую плитку. Залы и колонны были покрыты ею на высоту в два метра, почти под потолок.

– Некоторую плитку продавщицы аккуратно сложили в стопки в углах, а бой и мусор, в который превратился раствор, вынесли, – показывал Николай Михайлович, вода Крюčkова по полу местами скрипучему от отставшей от него плитки. – Скоро будем по клеточкам ходить, по отпечаткам от плит на полу.

"Как по рифлёному покрытию", – скептически усмехнулся Гена.

Вышли на улицу. Дождя не было, но хмарь висела серая, наполненная водой, готовая вот-вот пролить тонны её на землю. Ей, видимо, не хватало раската грома и стрелы молнии, чтобы вспороть надревший пузырь. И было по-прежнему прохладно.

На площадке между магазином и серой бетонной обваловкой в неровностях асфальтного покрытия, местами уже вспучившегося, стояла вода. А перед входом в магазин у дома разлилась лужей, которую он полчаса назад преодолел по доскам. Из широкого тротуара осталось лишь две доски.

– Сознательный всё-таки у вас народ, совсем настил не разбирает.

– Ага, – с усмешкой согласился директор. – Только вот, осенью новые наложили мостки, и уже разобрали. И нам же претензии будут предъявлять.

Они остановились перед стеной из бетонных блоков высотой метра полтора. Над ней земляной вал в несколько сантиметров.

– Вот, это и есть наша оборона. Защита всего дома, – провёл рукой директор, показывая от начала и до конца укрепительную бровку. – Если бы строители не занизили дом, это сооружение было бы действенным, поскольку тогда бы и цоколь дома был выше. Бровку стгородили,

как и полагается по проекту на заданную высоту, да немного ошиблись в самом строительстве, – пошутил он.

"Словно танковый капонир. Хорошо, что магазин тут, не то для жителей была бы мрачная панорама перед окнами, если бы они жили на первом этаже", – подумал Крючков, а вслух спросил:

– А почему выше нельзя насыпать бруствер?

– Тут проблема уже другого рода возникает – она будет жителям второго этажа загораживать обзор.

– Да, действительно проблема... Ну, а если вода фундамент дома подтопит, проблем не возникнет, тем же жителям второго этажа?

Геннадий с усмешкой вспомнил о здании бумажной фабрики: "Эти дома построены не на яйцах, не то что "бумажка". Запросто размоет. А вот повесить кое-кого за яйца за такое безобразие надо было бы".

– Проблемы станут, и очень скоро, если ничего не делать.

Майжуга по доскам повёл корреспондента к выходу из капонира.

Вышли на улицу и остановились у окончания насыпи.

– Её продлить бы надо метров на десять. Прodelать кювет для отвода воды. Вода не только через дамбу переходит, но обтекая её, проникает в торец дома, под фундамент.

– Я так понимаю: акт о приёме подписан, а там душа не боли. Брошен на произвол судьбы, то есть стихии.

– Выходит, что так, – согласился директор.

Майжуга, обходя крутой подъём обваловки, взошёл на самую обваловку. За ним последовал и Крючков. Под ногами проминалась влажная земля наполовину с песком. Перед взором – белые пятиэтажные дома микрорайона, стоящие выше по холму и ниже по склону. И вокруг смешанный лес, состоящий преимущественно из зелени сосновых деревьев, так как лиственные деревья были почти голыми.

– Конечно, понадобятся две пары переходов по кювету, переезд для машин к магазину, к подъездам этого дома и другим домам, – продолжал свою мысль директор. – Я эту идею излагал на исполкоме, обращался с письмом в ПМК-232, но пока молчат.

– Ждут зимних оттепелей или весеннего половодья?

– Похоже... А вы что-то ничего не записываете?

– То, что я вижу и слышу, я не забываю. По крайней мере, пока материал не будет готов. Ну, а выписки из протоколов и актов сделать надо бы. Подпереть, так сказать, материал фактами.

– Ну, что же, визуальный обзор сделали, вернёмся в магазин, – предложил Майжуга.

Проходя вновь по магазину, оглядывая его, Крючков сказал вслух:

– Да... у нас эки строят, и то такого безобразия нет.

– Где это?

– В нашей республике Татаркова.

– Так вы из Татаркова... – проговорил Майжуга, как показалось, разочарованно.

– Да. И вас это тоже чем-то не устраивает?

– Да нет. Думал вы из Калуги... – и, как бы исправляя своё секундное замешательство, добавил с решительностью в голосе: – Собственно, разницы никакой. Главное, чтобы дело сдвинулось.

– Ну, что касается меня, я постараюсь, а дальше... – пожал плечами общественный корреспондент, – будем посмотреть, как говорится.

– Хорошо, – согласился директор, и они прошли в кабинет заведующей.

На выписку номеров актов, протоколов, обращений в разные инстанции ушло минут двадцать. Геннадий внимательно записывал эту информацию, понимая, что вся она в материал не войдёт, но для объективности в работе понадобится.

Затем, сложив блокнот и ручку во внутренний карман костюма, стал прощаться. Майжуга спросил:

– Вам куда сейчас?

– На автовокзал, – и пошутил: – Приехал в Кондырёво на автобусе, прошёл под дождичком до цели командировки, и это всё ради нескольких строчек в газете.

Альбина Альбертовна и Николай Михайлович улыбнулись.

Майжуга сказал:

– Ну, до автостанции я вас довезу, а там, на автобусе везите эти строчки, не потеряйте.

– Не потеряю.

– Ну, дай Бог.

И директор первым направился из кабинета. На пороге лишь обернулся и сказал заведующей:

– Альбинка, я в торге.

Альбина кивнула.

– До свидания, – попрощался и Геннадий Миронович, подавая женщине руку.

Рука её была мягкой и прохладной, как и температура в кабинете. И Крючков только теперь обратил на это внимание.

– А почему у вас прохладно?

– Так не топят ещё.

– Ну, хоть электрообогреватель включите.

– Так вот, Николай Михайлович не разрешает. Говорит, экономьте деньги на ремонт магазина.

– А не получится так, что потом на ремонт здоровья больше потребуется?

– Ладно, Альбинка на меня тут наговаривать, корреспонденту жаловаться. Смотри, это опасно.

– Это директору опасно. Пусть немного поволнуется, и о персонале побеспокоится, – пошутил общественный корреспондент.

Заведующая улыбнулась.

– Генеральный директор у нас заботливый, мы на него не в обиде.

– Ну, вот, и на комплемент попал. Спасибо.

Директор улыбнулся и вышел за порог. За ним Крючков.

Весь обратный путь Геннадий раздумывал о поездке в районный центр. Продумывал сюжет будущей статьи.

Первое – с чего начать? С разобранного тротуара... По нему он прошёл в магазин. И включить слова бабушки, повстречавшейся ему у входа. Так, что она там ворчала?.. Хорошо, подумаем, вспомним. Хотя нет, не то...

Может, со встречи с продавщицей, профсоюзницей? Женщина энергичная, инициативная. Что она там говорила?.. Строители дом сдали с сюрпризами. Нет, магазин с сюрпризами. Вот, так и озаглавим "Магазин с сюрпризами". Так, поехали дальше...

За час езды на автобусе сюжет продуман был в деталях. Оставалось только изложить на бумаге.

И, приехав домой, изложил почти на шести листах школьной тетрадки.

К сожалению, площади газеты не позволили опубликовать такой объём. Статья хоть и имела тон юмора, и получилась задиристой, цепляла конкретно ответственных лиц и строительную организацию, однако была сокращена более чем на треть. Редакторы "воду" из неё

выжали основательно, в отличие от предмета, о котором в ней велась речь. И частично изменили название: "Подарок с сюрпризами". Дом был сдан два года назад в канун 7 Ноября, досрочно, как подарок жителям к празднику. И статья вышла тоже к данному событию.

И, тем не менее, Гена был доволен, что приобщился к такому серьёзному и важному делу. А дальнейшая реакция всех поименованных в статье лиц, вызывала гордость и уважение к самому себе и к делу, которым он по воли случая теперь начал заниматься. Хотелось писать, хотелось творить.

12

С Генахой Ключевым случилось что-то неладное – он бросил резко пить. На работе его коллеги, его друзья и собутыльники, на него смотрели с недоумением. А кое-кто и с подозрением. Особенно Сашка Угаров, – как к капризу. Лишиться такого корешка, самого-самого "заколупательского", как он выражается, особенно тяжело. Кстати, в его понимании, эта характеристика данной категории товарищей имела под собой очень даже трогательное выражение. То есть друг этот был самый душевный, самый уважаемый, самый свойский, самый... самый. За которого, если не в огонь и в воду, то – последнюю стопку пополам. И с первым, с кем он сразу сошёлся, когда поступил в цех на работу, скорешился, был именно Генка.

Генка сварщик от Бога – так про таких специалистов говорят. Даже лёжа мог варить, не вменяемым. Его только наведи на цель, держак дай и щиток в руки, а там уж не мешай и подставляй детали. Да придерживай, чтобы его лёжа не качало. Потом даже трезвый удивлялся: и как это так получилось? Не верил сам в свои способности. Руки золотые, вот и весь секрет. Нет, разумеется, были проколы. Иногда, через день-другой, лопался крепёж в местах сварки на ленточном транспортёре, или на опоре какой, так это не в счёт. Если бы всё делалось за один раз, тогда бы и работы не было, безработица сплошная была бы. А так – один день делаешь, другой переделываешь, третий заново начинаешь. Без этого нельзя. Занимать людей на работе чем-то надо.

Всё было в их отношениях чин-чинариком. Приступая утром к работе, уже "шарики" в мозгах гоняли по кругу – где бы да на чём бы подкалымить, — и к обеду, а то и раньше, смотря по обстоятельствам, уже накатывали. И так в настроенном режиме всё протекало года три подряд. Главное, чтобы работа двигалась, механик или начальник цеха не стояли над душой. Чтобы их (начальников) Татарков не огребал, а они их, слесарей. То есть по восходящей и по нисходящей.

Время от времени слесаря дружной компанией, человека четыре-пять, когда во время рабочего дня, а когда, оставаясь после работы, делали какую-нибудь шашку. Кому-то из местного населения, из того же Татаркова или из Белей, из Рудни, и даже Полотняного Завода или Льва Толстого, нужны: то ворота на гараж или на сарай, то оградка на могилку, то памятник металлический. Кому-то заказ выполняли из того металла, что привозили сами заказчики, а кому и из своего, из сэкономленного на производстве. Чаще из последнего. Но, так или иначе, простоя почти не бывало. Выполняли заказ и тут же получали расчёт наличкой. Вот почему именно этим работам и отдавалось предпочтение, именно они и вызывали азарт, энтузиазм. Поэтому по цеху работы делались наскоро, как-нибудь и – переключались на побочную. Если какие-то недоделки оставались на производстве, то это сменным: слесарю, машинисту помольного оборудования. Зачем людей обижать? – пусть вливаются в процесс, поклепают, гаечки покрутят.

И везде был Генка. Без Генахи просто никуда, – и на труд, и на праздник. К тому же через него почти все заказы и поступали. И потерять такого товарища...

Вот, как и в тот день. Сварили ворота на гараж. Мужики приехали, забрали заказ. "Отслужили" калым, и они – вперёд, в ближайший магазин.

Собрались гонца послать, и Генка выдал:

– Парни, я не в счёт. Я в завязке.

– Это как прикажите вас понимать? – спросил Сашка Казачков, тёзка Угарова.

А сам Угаров дёрнул губами и с кислой усмешкой уставился на кореша.

Гена пояснил:

– Всё, братцы, не пью. Завязал.

– Как ребёнок, до первого поноса? – не унимался Казачков.

Саша Угаров, как старший по возрасту и как самый авторитетный, отмахнулся на чудачество товарища.

– Это пока запах не почуял. Ехай Сашка. Возьми пару штук "коленвалов", закусить пару луковиц, ну и сигарет, – распорядился Угаров, игнорируя протест Ключекова.

Сашка взял со слесарного верстака сумку от противогаза и направился к велосипедам, стоявшим у ворот внутри слесарки.

– Казак! – окликнул Генка. – Я не шучу. На меня не бери. Давай сюда часть моего калыма.

Казак развернулся и в недоумении направился обратно к столу, за которым сидели коллеги: Угаров, сам Ключеков, электрик Волковичев и сменный слесарь Чернов. Все они с интересом смотрели на Генку, на бригадира.

Ключеков не курил. Завязал с этим вредным занятием года три назад. Спасибо теще. Тёща, как он сказывал, была ох и хитрющая, не приведи Бог, – земля ей пухом. К чему только не прибегала, чтобы отучить зятя от вредных привычек. От курева, от выпивки. И с куревом добилась успеха. Как потом жена Валя рассказала, после смерти матери, та во всё съестное подсыпала ему табачок. В чай, в смеси с заваркой. Даже в котлеты или в рыбу жаренную, чтобы со временем выработать у него отвращение к табаку – клин клином вышибают. И, похоже, добилась своего. В квартире стало свежее, без табачной вони. И сейчас Генка, хоть и сидел в клубах табачного дыма, но сам не курил. Иногда отмахивался от дыма, а то и пересаживался на менее загазованное место.

Не курил, и друзей не одёргивал. Знал – бесполезно.

Угаров курил нещадно, и всё, что попадало, от махорки до сигарет разных марок и сортов, а также и папиросы. Оттого, видимо, и кашлял, едва не выворачивая себя наизнанку. Сейчас глядел на Ключекова сквозь дым, подкашливал, пытаясь понять, что произошло с его корешком.

Когда человек бросает курить, на этом можно не заострять внимание, пошутить, даже посмеяться можно. Но он всё равно остается в строю. А когда бросает пить – это уже серьёзно. Тут уже стоит насторожиться. Распадается коллектив, дружба – спитая, спетая, на алкоголе спаянная. И это влечёт за собой немало неудобств. Угаров не раз переживал подобную ситуацию с другими приятелями и потому так пристально присматривался к Генке. И, кажется, понял, в чём дело.

– Генка, тебя, видно, Валька перепoiла? Тёща табаком по куреву ударила, а Валька что? На водке или на самогонке борщи варит?

Генка дёрнул в кривой ухмылке губами и покачал перед собой ладонью, разгоняя сизый дым товарища.

– Если бы...

– А что, или кто тогда?

Генка опять усмехнулся.

– Тёща опять.

Все уставили на него удивлённые глаза.

– Так она уже, как год, дуба дала.

– Дуба-то дала, да меня в покое не оставляет.

– Ну-ка, ну-ка, как это? Расскажи. Что она опять такое придумала? – с насмешкой спросил Казачков и присел к столу. Он во все оккультные и потусторонние силы, как, впрочем, и

в религию всех направлений не верил. И потому был скептик по натуре. Как и его тёзка. Но в глюки верил. Это неотъемлемая часть винного угара, и занимательная.

Генка в свою очередь спросил:

– Помните, как в прошлый четверг нажрались?

Казачков хохотнул:

– Не помню.

– Хм, – Генка тоже усмехнулся. – Вот и я не помню. Не знаю, кто как, а я дома не ночевал.

– Фьють! – присвистнул Волковичев. – А где ж ты был?

– У тёщи был, на блинах.

Теперь уже присвистнул Чернов и покрутил пальцем у виска, дескать, действительно дошёл парень до весёлой жизни.

Гену этот жест несколько уязвил, и он проговорил:

– Ты, Мишка, сам до этого самого дожил. Ага. Но того, что я пережил, хватит. Больше не хочу.

Угаров, подкашливая, махнул рукой Чернову, мол, не привязывайся к человеку. Пусть мелет.

Волковичев сказал, чтобы не прервать ход мысли в разговоре:

– Давай, давай, Генаха, трави дальше. – Он даже придвинулся ближе, навалясь на стол.

Волковичев был самым старым из всей компании, лет на пятнадцать старше Угарова, и все истории, связанные с мистикой, с загробным миром и пр., если не верил, то принимал близко к сердцу. И с заинтересованностью приготовился слушать товарища.

– Да что?.. – начал Генка. И призамялся.

А произошло следующее.

Как помнится, он шёл домой. А может, несло по инерции. Но дошёл. А потом, как в пропасть провалился. Или в преисподнюю. И оказался в гостях у тёщи. А та оживлённая, видно, рада радёшенька появлению зятя, блины стала стряпать, да угощать.

Сидит Гена у неё за столом, попивает самогоночку (чего никогда в жизни не бывало) и блинчиками закусывает.

– Пей, – говорит тёща, – зятёк дорогой, да блинчиками моими закусывай.

Гена от такого гостеприимства растаял. Хвастаться начал.

– С Валентиной, тёща, живём хорошо. Тебя поминаем.

– Спасибо, – говорит, – что не забываешь. Видно, шибко я тебя доняла. А твоё-то как здоровье? – спрашивает тёща.

– Да твоими молитвами.

– Молюсь, говорит, молюсь. А за тебя так в особенности. Так что пей, говорит, пей, – подливает в стакан самогонку. – Придёт час...

И ему кажется, что она что-то не договаривает. Будто чего-то вещает. Это его настораживает, даже пугает. И, в душе испытывая беспокойство, стал перед тёщей красоваться, скорее – заискивать.

– Вальку люблю... Богатой меблём обзавелись. Нарadowаться не может. В цеху выделили, как передовику производства. Прыгала от радости, как молоденькая козочка. Телевизор с дистанционным управлением. Тоже за добросовестный труд выделили. Визжала от восторга, хоть уши затыкай. Думаю, пора машиной обзаводиться. Вот, на днях к Татаркову, думаю, сходить. Пусть на очередь ставит, на машину и на гараж. Строиться буду.

Вешал Гена тёще "лапшу на уши", и сам, чувствует, что не верит она в его сказки. Но на каждое его сообщение стопочку за стопочкой подливает.

– Пей, говорит, зятёк дорогой. Пей. Душа мера. Приходи почаще, уж я тебя попотчую. Уж я для тебя... – и подкладывает блинчик за блинчиком смазанные маслом, и они лоснятся, аппетит нагоняют.

А Гена старается, радуется гостеприимству старушки. Пьёт, ест, да байки потравливает. На международные события даже перешёл, на политику. Ведь как никак старушка оторвана от мирской жизни, не видит и не слышит. О той же Гренаде, о Никарагуа не знает ни хрена. А в ЮАР что творится... Об Америке. Вот демократы что наделали, всю Африку на уши поставили. Да и у себя, в Латинской Америке. Уж до Европы добираются, Балканы бомбят, и всё им с рук сходит...

– Это вот, представь, тёща, если бы ты была жива, а я пришёл к тебе на рогах? Вот так и там. Американец там, как слон в посудной лавке.

– Сочувствую угнетённым и обиженным, – тёща отвечает, – сама была одна из них. Но ты же говоришь, что не пьёшь?

– Не пью. Изредка, когда по праздникам. Да вот на твоих поминках.

– Ну, это не грех, – говорит. – Меня помнить надо. Ну и я о тебе вспоминаю. Блинчики вот, самогончику для такого гостенька готовлю. Глянется тебе моё угощение, зятёк?

– Очень, тёща.

– Ещё придёшь?

– Ка-анешно!

– Приходи. Я уж тебя, голубчика, привечу. В другу рядь, – говорит, – ещё больше понравится. И уходить не хочешь. Здесь, со мной рядом и поселишься. Я тут перед нашим домоуправом о тебе похлопочу. Он не откажет. Сатана хороший.

Гена разнеженный, минутой ранее готовый уже было к тёще на квартиру перейти. Тут, как только услышал про Сатану, встрепенулся. Вскинулся и во что-то твёрдое башкой трахнулся. Как о гробовую крышку. В глазах звёздочки, искорки, понять ничего не может, где и находится. Кое-как успокоился от страха, огляделся.

Лежит на полу, на коврик у своей двери, об неё и угодил башкой. Замёрз до последней моченьки, от кафельного пола подбрасывает. А может, это так могильный холод пронял? Стал подниматься: ни ноги, ни руки не слушаются. Как протезные. Ладно, его стук в дверь Валентина услышала.

Подошла и из-за двери спрашивает:

– Кто там?

– Я, – говорит Гена, и голоса своего не узнает. Начал откашливаться, не может, хрип сухой и сиплый.

– Здесь такие не проживают.

Но на свой страх и риск Валя приоткрыла дверь и на мужа смотрит, но не с радостью.

– Ты, – спрашивает, – откуда?

– От тёщи...

– Как?!

– Н-не знаю...

И даже утром, немного проспавшись, шёл на работу, едва не оглядываясь. Словно ожидая чего-то сверху, окрика тёщиного что ли...

– Ну и что? – сказал Саша Угаров. – Что тут такого? Я тоже не раз перед дверью ночевал. И с кем только не общался. Так и что?

– А то, – ответил Ключевых, – ты с кем попало, а я с тёщей. А с ней, парень, такие шутки даром не проходят. Если она взялась за меня, то своего добьётся. И начинает с малого, вначале с табачка, теперь вот, с блинчиков. А там ещё что-нибудь придумает. Добьётся своего, затащит к себе на постоянное место жительства...

– В рай, – поддакнул Казак и подхохотнул.
– Нет, такая в рай не пойдёт хлопотать, из принципа. Характер не тот.
– Ладно, – сказал Угаров, подводя черту, – пусть приходит в себя. Так и быть даём тебе недельный отпуск.

И Чернов добавил:

– Поправится, всё опять направится.

Клочиков поднялся с лавки.

– Не знаю, – пожал он плечами. – Посмотрим...

– Не отчаивайся Генаха, – с сочувствием сказал Казачков. – Пройдёт. Ехай домой, а мы тут за твоё здоровье примем, полегчает. Поехали.

Им было по пути, в одну сторону. Но по разным делам.

Волковичев, Угаров и Чернов смотрели вслед Клочикову с сочувствием, как больному, неожиданно выбывшему из их рядов товарищу. И хорошо, что вместе с ним поехал сопровождающий.

И Генаха слово сдержал. За что и был переизбран бригадиром слесарей, вдохновенные времена Перестройки. За характер, а это в творческом коллективе не последнее дело. Но от шабашек не отказывался, подрабатывал со всеми вместе. Видно, деньги копил на машину. Тёщу не проведёшь...

12

Через месяц после поездки в Москву работников ДСЗ, в Управление комбината пришло письмо из столичного медвытрезвителя.

Письма приносила с почты сотрудница Особого отдела Смакина Таисия. На сей раз, писем было немного. Так, административная рутина, которую, пробегая по адресатам, раскладывал Подгузин на столе: что для своего отдела, для других отделов и подразделений, а что на стол гендиректора. Но одно всё же привлекло внимание. Из Новогиреевского отделения милиции города Москвы.

Андрей Андронович удивлённо хмыкнул:

– Это что за раздолбай там зафотографировался?

Он достал перочинный ножичек из стола, быстро вскрыл конверт и извлёк из него лист, на котором было вынесено в заголовок название учреждения с пометками времени составления документа. Внизу текста штемпель и печать с неразборчивой подписью, которая дублировалась в расшифровке: подполковник Митрюшкин С.У.

"Какой-то сучонок!" – пронеслась в голове ирония на инициалы подписанта.

Подгузин с интересом стал вчитываться в текст, и с первых же строк его круглое лицо начало удлиняться, а брови подниматься.

– Вот это номерок! – воскликнул он.

И, испытывая сладостное чувство восторга перед предстоящим событием, отложил письмо в сторонку. Стал спешно просматривать остальные письма, в основном их адресаты. Отсортировав по отделам и по службам, он взял несколько конвертов, в том числе и письмо из медвытрезвителя, и поспешил в приёмную генерального директора.

Татарков заканчивал производственное совещание со строителями и главным инженером. Вопрос стоял о заводе "Извести". Приехали специалисты из Главка.

На совещании были вызваны также директор "Керамики" Хлопотушкин и главный энергетик того же завода Вадим Григорин.

Поначалу ни Хлопотушкин, ни Григорин не могли понять, для чего они понадобились на этом совещании. Оба были заняты производством.

Хлопотушкин директором отработал уже полтора года, вник или почти вник в неродственное ему производство, изучал и пользовался советами работников завода, руководителей цехов, бригад и рабочих. И как советовал Родион Александрович – Пятилетними планами и коррективами его самого, наставника. Правда, коррективы генерального не всегда могли быть пригодными в частных вопросах. Они, как и планы партии, отображали общий, политический и экономический аспект направления, а уж как по этому направлению идти или ехать и какие тернии преодолевать, тут уж многое зависит от индивидуальности руководителя нижнего звена. Но, что Татарков обещал при вступлении Виктора Михайловича в должность, выполнял. Помогал и советами, и кадрами. На должность главного энергетика завода назначил заместителя главного энергетика комбината Вадима Григорина. На комбинате он курировал промышленный энергоучасток, а Партошкин социально бытовой. Вадим Матвеевич за пять лет работы на этой должности показал себя энергичным, деятельным, даже задиристым человеком. Хорошо знал производства комбината. А поскольку керамический завод был самым трудоёмким, то много уделял время ему, порою "дневал и ночевал" на нём, как и новый директор. Совместными усилиями завод стал понемногу выправляться, стало повышаться качество продукции, вырабатываться объёмы. Были выделены средства на охрану заводы, и Хлопотушкин организовал пропускной пункт. Машины, вывозившие кирпич, плитку только за подпи-

сю начальников цехов или кладовщиков. И, выезжая, водители сдавали пропуска на вахте и отмечались в вахтовом журнале.

Татарков приходил к мнению, что выбор он сделал правильный.

Но в данный насущный момент возникла новая производственная ситуация – строительство и пуск завода "Извести". Нужен был специалист по данному производству. Главк предлагал человека, но, как выяснилось, он тот же – мастер цеха "Муки". Какой смысл тащить сюда человека за три тысячи вёрст, выделять ему квартиру, дачу и пр., тогда как у него у самого есть свои специалисты, и ничуть не хуже. И даже лучше.

И Родион Александрович выбрал наилучший вариант – проверенный и надёжный.

В ходе обсуждения проекта "Извести", генеральный не раз обращался к Хлопотушкину. И Виктор Михайлович пояснял, поскольку вкратце был знаком с планом завода в период рассмотрения его и подбора места для его строительства.

– Конечно, завод и по площадке, и по родственному производству с третьим цехом "Муки", выбран удачно, – пояснял Виктор Михайлович. – "Известь" компактная, вполне уместится на ней со всеми строениями: АБКа – административно бытовой комплекс, производственный цех – печи, этажерки и оборудование; силосные башни, компрессорная, подготовительный и склады готовой продукции.

Выбиков Иван Игоревич – зам гендиректора по капстроительству, дополнил:

– В прошлом году мы осматривали данную площадку, и считаем, что этот вариант самый подходящий для строительства. Проект согласован с местными органами, возражений нет. Так что вариант предложенный товарищем Хлопотушкиным на стадии проработки – одобрен.

Начальник отдела строительства Главка удовлетворительно кивал.

– Да, мы с ним ознакомились. Теперь дело за малым – кто возглавит это строительство, и, желательно, производство, завод? Вы, Родион Александрович, отказались от предложенной кандидатуры, сославшись на свои кадры.

По взгляду и усмешке Татаркова, Хлопотушкина кольнула догадка: вот и вся разгадка.

– Так вот он, перед вами, – Татарков показал пальцем на директора "Керамики". – Мой специалист, десяток ваших спецов перекроит. – И к Хлопотушкину: – Как, Витёк, потянешь новый завод?

Виктор Михайлович пожал плечами, выражая сомнение и удивление.

– Справишься, справишься, я в тебя верю. Цех "Муки" вытянул? – вытянул. За "Кирпич" взялся – и неплохо. Так что тебе доверяю и новый завод. Оклад сохраню директорский. А "Кирпич" сдашь Григорину. Даю неделю, – и тут же поправился: – Три дня. В принципе, Вадим, ты знаешь "Кирпич". Можете передачей заняться в процессе. А сейчас, Витёк, подключайся к рабочей группе по "Извести". Вот приказ на ваше назначение.

Татарков раскрыл папку на своём столе, вынул из него лист, протянул двум директорам:

– Ознакомьтесь. И вперёд! Григорин на завод, а ты, Витёк, в творческую бригаду.

По тону и реакции – возражения не принимались. Хлопотушкин первым подписался под приказом, под ним – Григорин.

Из кабинета вышли озадаченными и вдохновлёнными. Особенно, директор нового завода "Извести".

Григорину, с его творческими амбициями, это назначение придало крылья. Давно ему хотелось выйти на оперативный деловой простор, и, наконец, свершилось.

13

Генеральный директор сидел за столом, без костюма, в сорочке с ослабленным галстуком. Когда приоткрылась дверь, он недовольно глянул на вход.

– Разрешите, Родион Саныч?

Татарков кивнул: валяй...

Подгузин вошёл, и по торжественному выражению лица можно было понять, что он пришёл с необычной вестью.

– Что там у тебя? – спросил Родион Александрович, глянув косо на красную папку, в которой начальник ОК обычно приносил почту.

Подгузин, не скрывая улыбки, раскрыл папку и подал лежащее сверху распечатанное письмо, к которому с обратной стороны был прикреплён скрепкой конверт адресанта.

– Вот, из медвытрезвителя...

– На кого это? Опять какой-то раздолбай напился?

– Это не обычный раздолбай, Родион Саныч. Это довольно интересная личность.

– Вот как! Давай сюда, – Татарков взял письмо.

Директор стал читать, и чем глубже вчитывался, тем удивленнее становилось у него лицо. И как только он дочитал документ, то тут же расхохотался, бросив письмо на стол.

Подгузин тоже не стал себя сдерживать, и от души прыснул в мелком хохотке.

– Нет, но ты только подумай! Ему мало местных вытрезвителей, попёрся в Москву! Ну, Крючков, как что отмочит, хоть стой, хоть падай. Ха-ха!..

– Местные, видимо, не так тепло принимают.

Отсмеявшись, директор сказал:

– В общем так, Андрей, надо прокатить этого бумагомарателя по полной. Комиссия по антиалкогольной программе, товарищеский суд, общественность, стенгазеты. И в областные газеты, в которых он развивает свой талант. И соответствующие меры... Ну, ты понял меня.

– Понял, Родион Саныч. Будет ему "шоколадный загар".

– Ну, вот и действуй. Кто у них на "Муке" председатель комиссии по борьбе с алкоголизмом и пьянством?

Подгузин хохотнул:

– Так он же, Крючков!

– Ох, ты, ядрёна мать! – вновь рассмеялся Татарков. – Очень интересное дело получается. В общем, давай. Пусть газеты знают, какого они вырастили писателя.

– Слушаюсь, Родион Саныч!

– Ну и раздолбай... Посмотрим, какие он статьи и жалобы теперь писать будет? Вызывай Дончака, и начинай работать.

– Будет сделано, Родион Саныч.

Татарков кивнул, давая понять, что разговор окончен. И по кивку, и по разговору Андрей Андронович понял, какой сценарий нужен директору. С Крюčkова у него особый спрос. И тут раздолбай попал на крючок, и как нельзя кстати – скоро колдоговорная конференция. Родион Саныч не упустит этого момента, прокатится по нему и на этом собрании. Пора ставить этого раздолбая на место. Ишь, объявился писака...

14

В кабинете начальника цеха зазвонил телефон. Дончак поднял трубку.

– Митрофаныч, привет!

– Привет, Андрей Андронович.

– Ты заскочи-ка в управление.

– Зачем? – Николай Митрофанович поморщился, знал, что Подгузин просто так приглашать не будет. Два варианта: или какую-то подлянку ожидай в свой адрес, или за кого-то из его орлов "окучивать" будут. Что, в общем-то, одно и то же – без катка по начальнику цеха не обойдётся.

– Да есть зачем. Тебе понравится, – в голосе зам генерального директора по общим вопросам и начальника отдела кадров прорывались восторженные нотки.

– Хорошо, с обеда зайду.

– Ну и добре. Хотя... такое дело, я бы и на минуту не откладывал.

– Да что за дело-то?

– По телефону не буду. Приедешь, узнаешь. Скажу только – им очень заинтересовался Татарков. Очень. Так что, по возможности, приезжай побыстрее.

– Ну, хорошо. Я на мотоцикле, сейчас приеду, всё равно скоро на обед.

– Жду, – и в трубке послышались короткие гудки.

Дончак посмотрел на трубку с недоумением и положил на аппарат.

Прежде чем уехать из цеха, Николай Митрофанович спустился в цех, зашёл в "аквариум". В руке он держал мотоциклетный шлем, напоминающий котелок.

В пультовой находились Фрося Разина, Тоня Серёгина и Маша Константинова. Они пили чай. Из уличных ворот входил мастер Филиппов Вениамин, и кстати.

– Митрофаныч, давай, чайку попей, – предложили женщины.

– Некогда. В управление вызывают. После обеда буду.

Последнее относилось к мастеру, тот уже подходил. Филиппов кивнул.

– Сейчас мука стабильно идёт, наберите корыто. Пусть остывает.

– Что, опять затаривать мешочки? – удивилась Тоня.

– А с нас эту ударную работу никто и не снимал. Так что, готовьте.

– Как это всё надоело, – с раздражением проговорила Фрося.

– Михаил Иванович со слесарями с силосов придут, после обеда, тоже пусть подключаются.

– Вряд ли мужики согласятся, – пожал плечами Филипп.

– Я тебе, о чём говорю? – передай. Одного-двух пусть выделит. Хотя ладно, я сам к тому времени вернусь, разберёмся.

Дончак вышел из пультовой и направился к воротам, неся в руке каску, внутри неё лежали краги. Каска была старого образца и, действительно, походила на котелок.

Тоня с сочувствием посмотрела ему вслед.

– На очередное промывание мозгом поехал. Достаётся же мужику.

Разина сочувствующе покачала головой.

"Юпитер", мотоцикл с коляской, выдавший не единожды дождь, грязь и сырой снег за последние десять лет, ожидал своего хозяина на улице напротив ворот слесарной мастерской.

Как только за воротами протарахтел мотоцикл, Филипп сказал:

– Ладно, я пошёл с обходом. Зайду в транспортный цех, узнаю, будут – нет вагоны. Потом в третий цех.

– Ага, давай, – поддержала Фрося, – а то скоро останавливать цех придётся, силоса под завязку, сыпать некуда.

– И машины-бочки что-то редко хотят, – поддержала Тоня.

Филипп небрежно сунул сигаретку в губы и, выйдя из "аквариума", прикурил от зажигалки. В третий цех зайти обязательно надо, а в транспортный – походу, можно и позже.

Маша сидела за столиком у радиолы, понунив голову.

15

Дончак вернулся в цех и в удивлении, и в недоумении. О том, что Крючков был в медвытрезвителе, по приезде из Москвы, ему никто не докладывал. Когда же он успел? Надо Авдеева спросить. Но он в ночную сегодня. Так, кто ещё ездил?..

Николай Митрофанович прошёл к столу, за которым занимались специалисты цеха и где ведёт профсоюзные дела Ананьин. Он составлял списки желающих посетить Москву. Найдя среди протоколов список, пробежал по нему глазами – семь человек. Так, Притворина, Чебертун, Крючков, Авдеев, Угаров, Казачков. На смене сейчас только Притворина. И слесаря.

Дончак снял трубку телефона, набрал номер "аквариума". Ответила Серёгина.

– Тоня, не в службу, а в дружбу, сходи в мастерскую, попроси, чтобы Михаил Иванович ко мне поднялся. Что-то у электриков телефон занят.

– Хорошо, Митрофаныч, счас.

Дончак набрал другой номер телефона – домашний Авдеева. Послышался хрипловатый голос старшего мастера, видимо, спал ещё после ночной.

– Привет, Николай Михалыч.

– Привет, Николай Митрофаныч, кха...

– Коль, тут вот какое дело...

– Слушаю.

– Вы, когда в Москву ездили, Крючкова не теряли?

– Да нет. Правда, опоздал он где-то на час. Говорил, что в милиции с каким-то родственником был.

– Он трезвым был? Ничего такого за ним не заметил?

– Да вроде трезвым. Дыхнул на меня, когда нашёлся. Да он, вроде не пьющий. А что?

– Да вот, на него бумага пришла из медвытрезвителя.

– О-о... И что там?

– Задержан в пьяном виде. Проведена профилактическая беседа. Рекомендуют принять меры воспитания и воздействия на гражданина Крюкова Геннадия Мироновича.

– Хм, ну лихо завернули. И что будем делать?

– На комиссию выносить.

– Так он же сам её председатель.

– Ну, так и что? У нас незаменимых людей нет. Профорг или парторг проведут. Да и ты в состоянии.

– Тогда уж пусть Ананьин. И когда?

– Думаю, завтра. Тебе надо будет приехать, и кто там ещё с твоей смены ездили – Чебертун. Вот, на стыке двух смен и проведём комиссию. Свидетелей опросим, его слушаем.

– Хорошо. Я и мои свидетели – приедем.

– Договорились.

В кабинет вошёл Ананьин.

– Вызывали, Николай Митрофанович?

– Да. Присаживайся и вот, нá, ознакомься, – Дончак подал механику письмо из медвытрезвителя.

Пока Михаил читал, он позвонил в третий цех. Трубку сняла Притворина.

– Нина, ты ездила в Москву за колбасой?

– Ездила, Николай Митрофанович.

– Крючков с вами ездил?

– Да, ездил.

– И что о нём скажешь?

- Не поняла?
- Ну, как он себя вёл? Пьянствовал, дебоширил, приставал, в частности к тебе?
- Да что вы! – она хохотнула. – Спрятался где-то, еле отыскали.
- И где отыскали?
- Да сам проявился. Михалыч его где-то выловил.
- Пьяного?
- Да нет, трезвого.
- Ну, ладно. Шутки в сторону. Завтра после смены останешься.
- Хорошо. А зачем?
- На суд. Судить будем этого пропойцу! – и Дончак бросил трубку.

Ананьин поднял на начальника недоуменные глаза.

– По-моему, тут какое-то недоразумение. Да не был он пьян. Мои были, сами рассказывали, как они бутылку заглотили. А его с ними не было.

– Ну, был – не был, теперь доказывай, что ты не верблюд. Завтра его надо от колхоза освободить.

– Вообще-то, Николай Митрофанович, рискуете. Нельзя киповца из цеха отрывать в колхоз.

– Ясно, что нельзя. Да кого посылать? Все уже побывали, и не по разу.

– А если автоматика не сработает, кто тогда окажется крайним? Вас же и обвинят. Родион Саньич не будет вникать в наши тонкости. Обдерёт по полной программе. А если с жертвами, то и во все – тёплые края на Калыме.

Дончак досадливо поморщился. И, словно оправдываясь, проговорил:

– Он парень ответственный, хорошо автоматику отрепетировал. Надеюсь, не взорвёт цех. Если что, байпасами на газе продержимся.

– В прошлый раз – бункера пересыпали. Без догляда остались. Еле течи пробили.

– Ты вот что... – вспомнил Николай Митрофанович, – пойдёшь домой, зайди к Крючкову, тебе по пути. Предупреди жену или детей, а лучше вот, записку передай, – он взял лежащий на столе лист бумаги и размашистым, на зависть всем работникам цеха, ровным каллиграфическим подчерком стал писать распоряжение. – Пусть в цех завтра выходит. А вместо него пошли кого-нибудь из своих архаровцев.

Расписался и подал лист механику.

– Ну, кого ж я пошлю? Сварщик и два слесаря остались. И так с ремонтами не успеваем. У электриков тоже один Волковичев остался да Плюшевый. Эти колхозы уже все кишки вытянули. Цех на ладан дышит. С ранней весны до поздней осени...

– Ты мне-то, зачем это выговариваешь?

– Да наболело. Какая-то порочная система сложилась. Тут малый вместо восьми часов вечера, пришёл домой аж в пол-одиннадцатого ночи. От самого Дурнево всем классом пешком шли. Со школы детей гоняют в колхозы, а транспортом не обеспечивают. По холодку, по дождичку, да с ветерком – самая подходящая трудотерапия.

– А что гараж?

– Да говорят, высылали автобус. Сломался, назад на буксире притащили. В гараже слесаря тоже где?.. Некому ремонтировать.

– Да-а... – покачал головой Дончак. Но дальше обсуждать эту тему было утомительно, и он согласился: – Ладно, возьмём из второго цеха Константинову. Да и наверно Филю пристегну. Пусть, пока у него дневная смена, потрудится во благо сельскому хозяйству. Если что, я подменю мастера.

Дончак потянулся к телефону и, набрав номер, спросил:

– Нина, Филя у вас?.. Передай ему трубку. – Поджидая ответ мастера, переложил трубку в другую руку. – Так, Вениамин Михайлович, завтра и до конца этой недели поедешь в колхоз

к Колупанову. Заменишь Холодцова, и будешь там за бригадира цеховой бригады. Передай Константиновой, чтобы и она тоже туда поезжала. Что с собой брать, мне вас учить не надо. Всё.

Положил трубку. И призадумался.

Ананьин, словно угадывая его мысли, проговорил:

– Кажется, попал наш Крючков на притюжальник Родиону Санычу. Припомнит он ему фельетончик. Будет наш Геннадий сам ходить с "шоколадным загаром".

– Да, директор такое не упустит. Он не любит, когда его критикуют. Не любит. Словом, завтра комиссия, будем разбираться.

– Как он в вытрезвитель попал? За что?

– А ты что думаешь, у нас ни за что нельзя? – усмехнулся Дончак. – Ещё как можно. Кстати, элеваторный узел закончили в первом цехе?

– Да. Но всё на соплях. Серьги надо, цепи. Оборудование старше нас вдвое, уж и запчасти к нему не выпускают.

– На Пятовской обещали от своих старых шаровых мельниц кое-что подогнать.

– Там модернизируют, а мы всё на старье крутимся.

– Ладно, не ворчи, иди в цех. И готовься к комиссии.

– Хорошо.

– Да, и помоги со своими хлопцами кульки затаривать.

Ананьин чертыхнулся и стал собирать разложенные бумаги в папку. Папку положил с края стола.

– Вот работа! Почти вся мех служба в колхозе, и так ремонт проводить не с кем, тут ещё эти кульки.

– Гордись высоким доверием.

– Да пошёл бы он с таким доверием... – и направился к двери.

– Увидишь Плюшевого, скажи ему, чтобы завтра был на антиалкогольной, – догнал его голос начальника цеха.

– Хорошо, – голос слышался уже с лестничной площадки.

16

Галина была рада, что её мужа наконец-то сняли с колхоза. Она сама отработала всю прошлую неделю, на уборке картошки. Погода выдавалась разной – и жаркой и холодной с морозящим дождём. И они, работники комбината, ходили за картофелекопалкой, чавкая резиновыми сапожками по осклизлому полю, собирали за ней сырые клубни. Работа на вольном, чистом воздухе, да безрадостная. О том, что она важная, едва ли не государственного значения, как-то не захватывало, не вдохновляло. Больше похожая на каторжную, принудительную и бестолковую, так как эту же картошку, уже весной, им приходится выбирать из буртов, но прогнившую наполовину. Перебранная картошка частью шла в магазины, им же на продажу в республику Татаркова или в районные и областные торговые точки, а часть на посадку. Преимущественно на последнюю стадию, так как продавать почти нечего, набрать бы на посадку. И для чего нужно тратить такие усилия со стороны шефов – шефам было непонятно. Но – партия сказала, комсомол, то есть руководители предприятий, ответили – есть! И в большинстве своём – в ущерб своему предприятию и вопреки здравому смыслу. После такого ударного труда многие уходили на "больничные", но не на долго. По устному и негласному приказу Татаркова, медики заболевших удерживали на "больничных" не более трёх дней. И "отдохнувшие" вновь вливались в дружный коллектив "колхозников". Кстати, и самих медиков не обходили эти трудовая повинность, если не самих врачей, то младший медперсонал обязательно.

Галину Крючкову выручил квартальный отчёт. Наступали конец месяца и квартала, и на мехзаводе нужно было подбивать "бабки", как говорит директор завода Машков. Сама она перебалывала простуду и даже при выпавших последних двух дней тёплой погоды не снимала с себя шерстяную кофту и носила с собой жаропонижающие и обезболивающие таблетки. Что-то непонятное в ней самой происходило: повышенная температура постоянно держалась, аритмия, головокружение, и уже не один месяц. Врачи ничего не обнаруживают, обещают направить в Обнинскую ведомственную медсанчасть на обследование и лечение.

Теперь болела душа и за мужа: как бы и он не простудился...

И вот радость – начальник цеха распорядился Геннадия снять с колхоза. Надолго ли? И Галина с благодарностью приняла записку от механика цеха "Муки" Ананьина. Чему немало порадовался и сам Крючков, приехав на автобусе в восемь часов вечера из колхоза. И, слава Богу, здоровым.

17

Если позволяла погода, то по утрам и вечерам Геннадий предпочитал ходить и возвращаться с работы пешком. Три километра не такой уж и большой «крюк», как шутил он сам, и для зарядки полезно. С такой целью он проделал свой путь и этим утром. Настроение было праздничное, трудовое, поскольку после колхоза всегда на рабочих нападает дух созидания, свободы, даже радости к своему верстаку, к пульману, или арифмометру. Даже тех рабочих эти чувства охватывали, кого в трудовые будни своя-то работа не слишком радовала. Но по возвращению в цеха и заводы испытывали трудовой подъём к своему рабочему месту. С таким настроением Геннадий вошёл вначале в первый цех, чтобы осмотреть киповское оборудование, автоматику, затем во второй цех, поскольку они располагались именно в таком порядке на его пути, и уже после этих объектов направился в третий цех. За погожие два дня территория на ДСЗ подсохла. Можно было среди раскисших просыпей щебня, отсева и муки найти сухую тропку. И не было на железнодорожных путях вагонов, в которые загружает щебень на погрузке. Это тоже положительно накладывалось на бодрое настроение, вызывало энтузиазм. Гена шёл, мурлыкая себе под нос чего-то из своих сочинений.

*Казалось, близок он к заветному желанью.
Поёт, поёт он песнь предмету обожанья.
Вот он летит на крыльях счастья... Комара
За что не любят, за укусы? Нет, за жуужжанье.*

Первым тревожным звоночком стал вопрос Нины Притвориной, когда Гена вошёл в пультовую.

– Привет, Нина! – с подъёмом поздоровался он с оператором. – Как дела тут без меня? Ничего не глюкануло?

– Привет, привет, колхозник, – с шуткой ответила она. – Слава Богу, всё нормально обошлось. Всю картошку выкопал?

– Да ну, что ты. И тебе там хватит, и твоим детям, – отшутился и он.

– И детям, это точно. Мой старший сегодня после уроков поедет.

За разговором, Геннадий осматривал приборы на щитах. В некоторых из них, пишущих, закончились чернила в чернильницах и давно. Он приступил к заполнению их ёмкостей.

– Слушай, вчера с чего-то Митрофаныч интересовался тобой?

– На предмет чего?

– Да с чего-то спросил, был ли ты пьяным в Москве?

– Да?

– Ну, я ему и ответила – в мат надрался. Целый час искали.

Гена вскинул на неё удивлённые глаза.

– Ну и шуточки у тебя... И что дальше?

– Да я ему так и сказала: приставал к бабёнкам прямо в автобусе, отоварить хотел, еле умирили. Ты ж, когда напьёшься, совсем не управляемый.

– Ты говорить – говори, да чепухи не мели.

– Да, ладно, пошутила я.

Зазвонил телефон. Нина подняла трубку.

– Добрый день, Николай Митрофанович... здесь. – Она протянула трубку Крючкову. – НÁ, тебя, – и задиристо усмехнулась.

Гена подошёл к столу и принял трубку.

– Да? Слушаю.

- Привет, Гена, – услышал он ровный голос. – Зайди ко мне.
- Сейчас?
- Да.
- Иду, – положил трубку.

Что-то тревожное отдалось в его сознании. Он внимательно посмотрел на Нину. Та в свою очередь на него.

- Что? – почему-то в полный голос спросила она.
- Он пожал плечами и направился к уличному выходу.

В кабинете были Дончак и Плюшевый.

– Здравствуйте! – поздоровался Геннадий и пожал руки обоим. – Вызывалы таваришши нашальник? – шутливо спросил он.

- Да, садись? – ответил начальник цеха. – Соскучились.
- Плюшевый смотрел на Геннадия, и как ему показалось, с иронией.
- Крючков сел.

– Слушаю, Николай Митрофаныч.

Дончак подал ему лист и сказал:

- На тебя тут письмо счастья пришло, ознакомься.

Крючков стал читать, и на его загоревшем за лето лице начала проступать бледность. Дочитав, вопросительно уставился на начальника цеха. Потом перевёл взгляд на парторга.

«Вот это морковка! Не болит, а красная...» – пронеслась в голове шутка, но с мрачной иронией.

- Ну? И что скажешь? – спросил Дончак.

Крючков пожал плечами, ещё усваивая информацию.

- И сказать нечего? – с усмешкой спросил парторг.

Крючков кивнул, но тут же проговорил:

- Сразу и не сообразишь, что ответить на такое счастливое послание... Чувшь какая-то.

– За этой чувшью, ой-ей-ёй какие неприятности стоят, Геннадий. Не мне тебе объяснять, – сказал Дончак. – У тебя уже и очередь на квартиру на подходе. И ты ещё на гараж стоишь. А на этой неделе утверждать будут список садоводов, я тебя вписал, и ещё двенадцать человек.

Крючков удручённо покачал головой.

– Нет, ну вот люди! Забрали в вытрезвитель, продержали почти час, даже не извинились. И телегу накатали... – Геннадий хлопнул по коленям руками.

- Наверно допинг был. Иначе, чтобы на тебя такую бумагу представлять?

Крючков посмотрел на Плюшевого, угрюмо хмыкнул и повернулся к Дончаку.

- И что теперь?

– Что теперь? Как и положено: заседание комиссии, протокол, и ответ в эту заботливую организацию. А тебе соответствующее наказание – лишения дачи, квартирной очередности, может быть, перенесут её, если прогнёшься перед Татарковым. Ну и моральный аспект: на доску «Почёта», стенгазета, – перечислил начальник цеха. – Словом, сам понимаешь.

Крючков ухватился за голову и заплёл пальцы в волосы. Перед глазами предстали хмельные рожи дядиных собутыльников и виноватое и в тоже время, подпитанное внутренним огнём алкоголя добродушное лицо Николая. «Ну, дядюшка, ну, спасибо!»

- Так что получилось там, в Москве, с тобой? – спросил Дончак.

Крючков сжал зубы, на его скулах заходили желваки. И, сам не понимая зачем, процитировал:

– Вот и верь после этого людям... Я призналась ему при луне. А он взял мои девичьи груди и узлом завязал на спине.

Дончак вдруг расхохотался. Не сдержался и парторг, хрюкнул сдержанно.

Крючком посмотрел на них недоумённым взглядом, потом поняв, что ляпнул не то, что хотел – пришли на ум под настроение эти строчки, – и тоже усмехнулся.

– Ты долго сочинял? – спросил Дончак.

– Да это не я. Нашёлся умный человек. Услышал ещё в армии, на заставе, запомнился. Эх-хе... Теперь вот, веселит душу.

– Ну, если и дальше так будет веселить, то не пропадёшь. И мы с тобой повеселимся. А теперь, давай по существу, – Дончак придвинулся грудью к столу.

– По существу... – вздохнул Гена. – Собственно, поехал я в Москву по просьбе тётушки. Ей сделали операцию – рак груди. Ну, а дядюшка в ознаменование этих трагических событий ударился в пьянку. Естественно, за её здоровье. Попроведать надо было их, с дядей провести собеседование. Да приехал неудачно – никого дома не застал. Как потом узнал от дядьки, тётушка находится в больнице на химии-терапии. Прождал у подъезда часа два, пока ждал его. Потом пошёл в магазин – перекусить надо было чего-нибудь. А там и они, алкаши крутятся. Собственно, не так уж и пьяные, но вмазанные. Купили «коленвал» и за углом магазина пристроились. А там добровольных дружинников, как собак нерезаных. С балкона вначале кулаками махали, потом милицию вызвали, или наоборот.

– Сам-то пил?

– В том и дело, что нет. Уговаривал и дядьку уговориться, уж домой хотели идти, а тут эти на воронке – здрасте-пожалуйста! Подхватили под руки, и разговаривать не стали. Лишь где-то через час, наверно, вызвали на собеседование. Убедились, что трезвый, выпустили. Я думал, всё так культурно и обойдётся. А они вон что... Вот и верь после этого людям... – вновь процитировал Гена первую строчку стиха и грустно усмехнулся.

Усмехнулся и Дончак. Но сказал серьёзно:

– Так если согласишься – дело и выеденного яйца не стоит, но... без комиссии, без протокола тут не обойтись. На стыке смен проведём её, и тебе надо быть, как штык, в обязательном порядке. Только уже не в качестве председателя. Вести будет кто-нибудь из них, – кивнул на парторга, что означало: парторг или профорг. Спросил: – Представляешь, в каком сейчас настроении Родион Александрович?

Крючков кивнул.

– Не только представляю, но и чувствую.

– Да-а, большие тебя неприятности ожидают. Словом, готовься к комиссии. Иди, работай.

– Какая к чёрту работа... – проговорил Геннадий, поднимаясь со стула.

– Ну-ну, без пессимизма только. Не вешай носа. И верь другим людям, коль в тех разочаровался.

Геннадий выходил из кабинета, охваченный тревожными и тяжёлыми предчувствиями. Жить им в этой однокомнатной и сырой квартирке на улице Октябрьской до морковкиной заговены... Ещё этот фельетон! Как Галя предупреждала, чтобы не лез во внутривластную игру республики Татарково – себе дороже выйдет. Не послушал, сделал по-своему. Хотя бы квартиру получил! И лицо его потемнело...

...Комара

За что не любят, за вкус? Нет, за жужжанье.

И рабочий день показался долгим. Наверное, так бы не устал в колхозе или от работы грузчиком на складе, куда зачастую направляют работников цехов за неимением своих грузчиков – они являются постоянными работниками сельского хозяйства, только числятся на складах. И думы, и обиды на непорядочность работников медвытрезвителя легли тяжёлым грузом на сознание и связывали руки в работе.

18

На комиссию были приглашены все руководители цеха, члены антиалкогольной комиссии и свидетели, участники поездки в Москву, а также и желающие. То есть общественность.

В президиуме находились Ананьин и секретарь Чебертун.

В зале перед президиумом сидели десять человек, включая и приехавшего на это мероприятие председателя общекомбинатской антиалкогольной комиссии Чумейко. Он же – начальник штаба гражданской обороны, офицер запаса ВВС.

Сам председатель цеховой антиалкогольной комиссии сидел отдельно, в первом ряду спаренных деревянных кресел.

– Ну, что, товарищи, начнём заседание комиссии? – поднявшись из-за стола, спросил Ананьин, оглядывая аудиторию. Не получив возражений, продолжил. – На заседании присутствуют все члены комиссии, также приглашённые и любители коллективных сборищ – шутка, – улыбнулся ведущий собрания. – В заседании принимает участие представитель администрации, председатель антиалкогольной комиссии комбината Чумейко Валентин Николаевич.

Валентин Николаевич слегка приподнялся и кивнул.

– Слово предоставляется начальнику цеха, Дончаку Николаю Митрофановичу.

Сидевший рядом с Чумейко Дончак поднялся и вышел к трибуне.

Положив на полочку лист бумаги, он одел очки.

– Товарищи, к нам на комбинат пришёл документ из Москвы – вот до какой радости дожили! Аж из московского медвытрезвителя. От такого внимания, даже от гордости пучит. И я вам его сейчас зачитаю:

– Генеральному директору (имя фамилия отсутствует) «Строммашполимер». Адрес и число – пропускаем. И далее сам текст.

"Работник вашего предприятия Крючков Геннадий Миронович был доставлен в районное отделение милиции, в скобках – «медвытрезвитель», – в нетрезвом состоянии. С ним была проведена воспитательная беседа. Просим вас оказать на данного гражданина воспитательное воздействие, в целях профилактики и контроля за его поведением в общественных местах. О результатах проведённых мер прошу сообщить в районное отделение милиции Новогиреево г. Москва.

Начальник отделения

подполковник Митрюшкин С.У."

– Вот такая вот коротенькая записочка, – подвёл итог Дончак, снимая очки. – Но с огорчающим продолжением

– С чего начнём обсуждение? – спросил Ананьин. – Может, вначале послушаем виновника этого безобразного факта?

– И правильно. Это ж надо до чего докатиться – наши местные вытрезвители, гля, не подходят ему, – проговорил Шилин, – в столичный попёрся. Это ж, как его... кощумство какое-то. Не-ет, тут Генаху прокатить надо по полной программе.

В Красном уголке рассмеялись.

– Ты, Пал Палыч, так не шути, – сказал Дончак, выходя из-за трибуны.

– А я и не шутю. Даже обидно. Попёрся вона куда. У нас и здесь хорошо обслуживают. Вон, спроси у Угар Петровича и Казачка – две недели потом ходили, заливали горло от ентого счастья.

В зале опять рассмеялись.

– Ладно, не будем отвлекаться, – остановил шум в зале Ананьин. – Давайте, товарищ Крючков, расскажите комиссии вашу весёлую историю поездки в столицу нашей Родины. Может, и нам она пойдёт впрок на будущее.

За день в Гене что-то перегорело в сознании, и привело к внутреннему ожесточению. Вначале он не хотел идти на Комиссию. Из принципа, из-за несправедливости, даже подлости московских «ментов». Была бы возможность, то ещё с утра бы полетел в Москву на разборки.

Но здравый смысл всё-таки возобладал – как кого-то судить, ты в первых рядах, а как самому предстать на суд общественности – так в кусты! И он пришёл.

Но здесь смущало присутствие Чумейко – он тут неспроста.

Крючков поднялся и вышел к трибуне, но встал не за неё, а рядом, кашлянул в кулак. Аудитория смолкла.

– Да что тут объяснять? – и кирпич неожиданно падает на голову. Попробуй, предсмотри всё. Повязали из-за дядюшки и его братков. Разыскивал я его, вот и нашёл в весёлой компашке. Их загребли и меня до кучи. Вот и весь сказ.

– Ты-то с ними пил? – спросил Плюшевый.

– Нет.

– Не успел?

– Почему? Захотел бы, так успел.

– Но оформили тебя, как пьяного.

– Да чёрт его знает, что он там писал, дежурный? Паспорт мой перед ним лежал. Только спросил, где работаю и всё.

– Ну, а в трубку давал дыхнуть? – спросил Шилин.

– Ничего он мне не давал. Сказал только, чтобы я сержанту в его индикатор дунул. А сержант сам был на парах, я это учуял. Ну, я ему дыхнул в нос, он икнул, и сказал, что вроде трезв. Старлей отдал мне документы, и я уехал.

– Поэтому ты и опоздал на час? – спросил Авдеев.

Крючков кивнул.

– Поскольку я первым его встретил у ЦПКиО Горького, а потом вместе ехали, то могу с полной уверенностью сказать – Крючков не был пьян. И думаю, все, кто ездил в Москву, могут также подтвердить его трезвое состояние.

Авдеев повернул голову к сидящим в зале свидетелям.

– Да не был он пьяным. Уж я бы за версту учуяла, – воскликнула Галина Чебертун.

Её поддержала Притворина:

– Да точно! Честно говоря, я его ни разу пьяным не видела. Мне кажется, он вообще не пьющий.

– И баб не... то есть не любящий, – поддакнул Казачков.

В зале опять рассмеялись.

– Вот обидно, – посочувствовал Шилин Притвориной.

– Хорошо. Обстоятельства нахождения Крюčkова в медвытрезвителе выяснены, – подвёл итог Ананьин.

– Только не понятно – зачем сотрудникам понадобилось писать человеку на производство? На пьяниц бы и писали... – подала голос Тоня Серёгина.

– А до кучи. Чтоб видели их работу и в республике Татаркова, – пояснил Шилин.

– Так, – постучал председательствующий ручкой по столешнице, – как будем формулировать протокол? У кого какие предложения?

Зал примолк, соображая. Дело необычное.

Подал голос Шилин:

– А так и написать. Менты, вы ошиблись. Наш Гена не из таковских.

– Ну, ты двинул, Палыч! – усмехнулся Ананьин.

– А чё хреновиной голову морочат? Делать нечего что ли! Я Генку – во! – как узнал, – полоснул ногтем себе по шее. – Он парень без дураков. Ещё их, дураков, поучить может.

– Так может, пошлём его к ним, на перевоспитание милиционеров? – ставил Геннадий Клочек, бригадир слесарей.

– Ага, счас. Он нам самим нужен.

Зал вновь засмеялся.

– Ладно, – подал голос начальник цеха, – давайте закруглятся. Людям на смену пора. Высказывания все в протокол внесли?

– Да, – кивнула Чебертун.

– Но как-то надо сформулировать решение комиссии? – вновь спросил Ананьин. – Дело-то необычное.

Зал опять напрягся в поисках определения.

– Я вам примерный план подскажу, а вы его потом под редактируйте. Тем более редактор у вас свой, – сказал Чумейко, кивнув на Крючкова. К нему повернулись. Гость поднялся и стал диктовать: – И так, записывай: в ходе разбирательства дела о посещении товарищем Крючковым медвытрезвителя, выяснилось следующее:

Первое. Товарищ Крючков был задержан сотрудниками правопорядка случайно, по ошибке. Тут приведёте его показания.

Второе. Работники, ездившие вместе с ним (перечислить), показывают, что товарищ Крючков за всю поездку в Москву в пьянстве не был замечен.

Привести их показания, или сослаться на ваш протокол, номер и число.

Третье. Поскольку факт употребления алкогольных напитков товарищем Крючковым за время поездки и нахождения в столице не подтвердился, комиссия цеха «Муки» ходатайствует перед администрацией Комбината не применять к нему административных мер и мер морального и материального воздействия.

Четвёртое. Выслать в московское районное отделение милиции протокол антиалкогольной комиссии цеха, скреплённый печатями антиалкогольной комиссии Комбината и администрацией предприятия.

И пятое, – добавил уже в шутку, – прекратить бессмысленные дебаты по данному вопросу и расходиться по своим объектам или по домам.

Крючков облегчённо вздохнул. Встречался он не раз с Валентином Николаевичем, видел, когда тот был непреклонен к нарушителям общественного порядка, а когда снисходительным. Видимо, поверил. А это уже немало.

После заседания, когда рабочие покинули зал, Валентин Николаевич подсел к Геннадию.

– Ну, как настроение, алкоголик?

– Да как сказать... тут по неволи запьёшь.

– Ты это мне брось. Вон, как за тебя люди вступились. Хлопотушкин уже к директору за тебя ходил.

Крючков вскинул на него глаза, удивился.

– А он-то откуда узнал?

– У нас сарафанное радио хорошо работает. И до «керамики» донеслось. На радостях Подгузин ему звонил, поздравил его с таким воспитанником.

– Успел.

– Так служба обязывает.

– И что Родион Александрович?

– Не знаю пока. Но, кажется, репрессивных мер не предполагается. А тут – этот протокол из цеха. Директор не без понятия. Виноват – накажет. Нет – ещё и сам слово в защиту скажет. Правда, подсоллил ты ему немного, – усмехнулся. – Но ведь по делу. Словом, работай дальше в антиалкогольном направлении, ты мне подходишь. А остальное – переживётся, забудется.

– Дай-то Бог.

– Как твои алкаши, которых ты разбирал на комиссиях?

Крючков пожал плечами.

– Да не обижаются вроде. Если за дело, то... Теперь надо мной посмеиваются.

– Посмеются, конечно. Но не принимай близко к сердцу.

– Да это не страшно. Сам люблю посмеяться. Беспокоит Татарков.

– Ну, я думаю, ничего, обойдётся. Когда фактов нет, хотя дури у него хватает, не пойдёт он на обострение. И я ему доложу, как тебя здесь чистили, да огребали. Да и тебя он, кажется, уважает. Так что – пронесёт.

– Ага. Уважал барин батрака, и намял ему бока. Не потому что тот худо служил, а за то, что поклон не отбил.

– Хорошая притча. Но мы не в барское время живём.

– Вы думаете?

Чумейко посмотрел на Геннадия пристально и проговорил:

– Ты вот что, сильно-то язычком не трепи. Хоть со мной и можно, но не советую со всяким разглагольствовать в таком тоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.